ЗА ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА.

(Изъ воспоминаній).

Въ то время, когда только что вступившіе въ жизнь молодые люди нетерпѣливо ожидали полученія новыхъ книжекъ «Русскаго Слова», а потомъ «Дѣла», поспѣшно ихъ разрѣзали, вчитывались и вдумывались въ ихъ содержаніе, при редакціи послѣдняго журнала, съ согласія редактора-издателя, рѣшили устроить «переводную артель», т. е. особое изданіе переводовъ съ разныхъ языковъ членами этой артели.

Когда затѣвалась эта артель, я принадлежала къ усерднымъ читательницамъ «Дѣла». Тогда я только что овдовѣла и намѣревалась привести въ исполненіе свое еще школьное желаніе участвовать въ какомъ либо періодическомъ изданіи; только задумывалась и размышляла, куда предложить свои услуги. Среди этого раздумыванія и опасенія за незрѣлость своихъ мыслей, я вдругъ нежданно, негадано получила изъ Петербурга письмо, въ которомъ мнѣ предлагали принять на себя обязанность руководительницы переводной артели. На меня указалъ одинъ изъ участниковъ въ «Дѣлѣ», знавшій меня по случайной частной перепискѣ съ нимъ. Радость моя была безгранична; я не могла достаточно наглядѣться на конвертъ съ редакціонною печатью, едва довѣряя своимъ глазамъ. Говорить нечего, что въ тотъ же день я послала свое согласіе и начала собираться въ дорогу, а когда все было готово, пошла прощаться со знакомыми. Въ одномъ домѣ я встрѣтилась съ господиномъ, который сотрудничалъ въ одной большой московской газетѣ; онъ подробно разспрашивалъ меня объ учреждавшейся артели; повидимому, сочувствовалъ и этому дѣлу, и мнѣ. Отъ избытка сердца уста глаголятъ, и я разсказала ему все, что̀ сама знала.

Отъѣздъ мой замедлился изъ-за письма отца; онъ просилъ меня дождаться его пріѣзда въ Москву, такъ какъ непремѣнно хотѣлъ проводить меня на желѣзную дорогу; но въ самый день пріѣзда отца я получаю отъ знакомаго, который предложилъ меня въ руко-

водительницы артели, очень непріятное письмо. «Что вы надѣлали своею откровенностью?—писалъ онъ.—И Благосвѣтловъ, и мы всѣ получили большую непріятность. Устройство артели теперь немыслимо». Нетрудно было догадаться, кто намъ повредилъ, а потомъ получилось и подтвержденіе догадки. Я горько раскаивалась въ своей опрометчивости, но дѣло было уже непоправимо. Между тѣмъ, желаніе мое—почти потребность—работать въ журналистикѣ сдѣлалось еще сильнѣе. Одна знакомая моя рекомендовала меня на чтеніе корректуры въ «Петербургской Газетѣ». Не успѣла я собраться въ дорогу, какъ ко мнѣ пришелъ швейцаръ изъ синодальной типографіи съ запиской, чтобы я немедленно ѣхала въ редакцію «Современныхъ Извѣстій». Оказалось, что редакторъ этой газеты просилъ завѣдывавшаго словолитнымъ отдѣломъ въ синодальной типографіи г. Гербека рекомендовать ему корректора. Я была знакома съ г. Гербекомъ, и онъ указалъ редактору на меня.

6-го февраля 1868 года я въ первый разъ работала въ редакціи; прокорректировала и выпустила нумеръ газеты, а также попыталась перевести телеграммы, которыя тогда,—какъ и долго потомъ,—присылались изъ-за границы на нѣмецкомъ, французскомъ, а иногда даже на англійскомъ языкѣ. Контора, типографія и редакція «Современныхъ Извѣстій» помѣщались тогда у Москворѣцкаго моста, въ домѣ Купеческаго общества. Для газеты квартира эта была не велика: прежде въ ней жила портниха. Контора занимала первую маленькую комнату; въ слѣдующей, въ два окна, помѣщалась вся наборная; въ темной средней комнатѣ стояла печатная машина, и самая редакція ютилась въ очень маленькой комнатѣ въ одно окно возлѣ кухни; въ нее пробирались около машины. Складъ бумаги и помѣщеніе конторщика были на антресоляхъ. Всю середину редакціонной комнаты занималъ столъ, вокругъ котораго размѣщено было пять стульевъ. Тоненькая перегородка, отдѣлявшая кухню отъ редакціи, образовывала небольшую амбразуру, вмѣщавшую въ себѣ только диванъ для пріема посѣтителей.

Съ семи часовъ вечера, на концѣ стола садился редакторъ; по лѣвую руку отъ него—доставлявшій московскія вѣсти Н. П. Бочаровъ; возлѣ него—завѣдывавшій внутреннимъ отдѣломъ П. А. Гиляровъ, а противъ нихъ—корректоръ и я. Это былъ весь личный составъ редакціи. Иностранныя извѣстія присылались въ типографію часовъ въ 10 или 11 вечера, набросанныя карандашемъ на клочкахъ бумаги кончавшимъ курсъ студентомъ Серебренниковымъ, который писалъ ихъ въ кондитерской Трамблэ, гдѣ полу-

чались французскія газеты. Наша же редакція иностранныхъ газетъ не выписывала.

Но этотъ малочисленный составъ редакціи очень внимательно и старательно относился къ своему дѣлу. Редакторъ выбиралъ для руководящихъ статей самые животрепещущіе вопросы и по политикѣ, и по городскому управленію, и нравственные, и экономическіе; въ обсужденіе ихъ онъ влагалъ все свое обширное знаніе, всю опытность и твердые, опредѣлившіеся взгляды; излагалъ старательно, исправляя малѣйшую шероховатость въ слогѣ и избѣгая иностранныхъ словъ. Первую корректуру онъ просматривалъ всегда самъ; потомъ читалъ статью громко передъ сотрудниками и замѣчанія ихъ принималъ во вниманіе. Сотрудникъ по внутреннему отдѣлу внимательно прочитывалъ русскія газеты, старался выбирать изъ нихъ самыя любопытныя для читателей свѣдѣнія и тоже вслухъ, передъ всѣми сидѣвшими, вкратцѣ разсказывалъ содержаніе своихъ вырѣзокъ. Газета не отличалась остроуміемъ, но и не была засорена болтовнею. Хотя объемъ газеты былъ вдвое меньше теперешнихъ ежедневныхъ изданій, но матеріалу требовалось много, такъ какъ объявленій было мало, а содержаніе газеты почти все печаталось петитомъ; нѣкоторыя извѣстія, какъ напримѣръ, календарныя, набирались даже нонпарелью.

Хотя всѣ мы бывали углублены въ свою работу, но, по временамъ, у насъ завязывались разговоры или по поводу любопытнаго извѣстія, вырѣзаннаго изъ другихъ газетъ, или по поводу какого либо выраженія или слова, такъ какъ заботились о хорошемъ слогѣ; часто также завязывались бесѣды. Напримѣръ, редакторъ задаетъ намъ вопросъ:

— Откуда происходитъ слово: «либезить»?

— Отъ liebe sie,—отвѣчаютъ ему.

— Хорошо; у васъ филологическое ухо, а слово: «на шерамышку»?

— Отъ cher ami.

— Вѣрно. А какъ назовете вы ледъ съ рѣки Оки?

— Окскій.

— Невѣрно. Мѣстные жители называютъ его «очно̀й».

Только что редакція отвлечется подобными бесѣдами, какъ въ дверяхъ появляется ментранпажъ и заявляетъ, что наборщики стоятъ безъ дѣла и ждутъ оригиналовъ. Въ этой-то маленькой редакціи придумано было слово «загонъ», теперь употребляемое во всѣхъ московскихъ типографіяхъ для обозначенія матеріала, запасеннаго на слѣдующіе нумера газеты.

Ночью часто приходили въ редакцію факторъ синодальной ти-

графіи Быковъ, для наблюденія за печатаніемъ, и помощникъ начальника этой типографіи В. Е. Румянцевъ, который помогалъ мнѣ переводить телеграммы. Теперешнія, или, лучше сказать, новыя газеты, получающія телеграммы «Сѣвернаго агентства», не знаютъ, какія трудности встрѣчались прежде при спѣшномъ переводѣ иностранныхъ телеграммъ, получавшихся ночью, сокращенными и перевранными въ продолжительномъ пути. Разъ, напримѣръ, пришла такая лаконическая телеграмма: «Kabellos». Корректоръ нашелъ, что здѣсь безсмысленно соединены два слова. «кобель» и «лось». Съ помощью словаря начали добираться до смысла. Французское слово «câble» означаетъ канатъ; los—по нѣмецки «раз», «врозь», слѣдовательно—разорвался канатъ. Какой же это такой канатъ, про порчу котораго стоитъ сообщать въ телеграммахъ? Рѣшили всѣми умами, что это телеграфный канатъ, а такъ какъ не проволокою, а канатомъ долженъ соединяться только морской подводный телеграфъ, то, слѣдовательно, слово «Kabellos» можно перевести такъ: «Телеграфное сообщеніе между Европою и Америкою на время прекращено, вслѣдствіе порчи подводнаго морскаго телеграфа». На утро поспѣшили свѣриться съ другими газетами. «Московскія Вѣдомости» перевели въ такомъ же смыслѣ; въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» эта телеграмма совсѣмъ не была переведена.

Тогда въ Москвѣ, до появленія «Современныхъ Извѣстій», издавались дорогія «Московскія Вѣдомости», маленькія и сѣренькія «Русскія Вѣдомости»; подъ редакціею И. С. Аксакова выходила «Москва», интересная только для купечества, отстаивавшаго тарифы, и, наконецъ, М. П. Погодинъ издавалъ малораспространенный «Русскій». «Московскія Вѣдомости» были недоступны многимъ; «Русскія Вѣдомости» не имѣли руководящихъ статей и иногда велись такъ небрежно, что въ одномъ и томъ же нумерѣ иностранныя извѣстія печатались дубликатомъ, такъ какъ одинъ переводчикъ бралъ изъ нѣмецкихъ, а другой изъ французскихъ газетъ одно и то же извѣстіе и, не переговоривъ между собою, оба сдавали свои переводы въ наборъ. Когда появились недорогія «Современныя Извѣстія» съ хорошими передовыми статьями и тщательнымъ выборомъ извѣстій, то естественно, что «Русскія Вѣдомости» лишились нѣкотораго числа подписчиковъ и розничныхъ покупателей. Для розничной продажи помѣщеніе «Современныхъ Извѣстій» было выбрано очень удачно: утромъ и вечеромъ мимо ихъ дверей проходили длинныя вереницы гостиннодворцевъ; одни изъ нихъ покупали газету, идя на торговлю; другіе—возвращаясь домой.

Продавалась газета и въ розницу: разнощикамъ тогда дозволя-

лось выкрикивать интересныя извѣстія. Читатели не были избалованы множествомъ любопытныхъ «разныхъ извѣстій» и покупали газету ради какого нибудь одного, выкрикнутаго разнощикомъ. Такъ напримѣръ, изъ какой-то петербургской газеты вырѣзанъ былъ разсказъ, что въ Америкѣ сдѣлали манкена, который, посредствомъ устроенной въ немъ маленькой паровой машины, можетъ двигаться. Разнощики кричали: «паровой человѣкъ»! — и въ этотъ день бойко торговали. Теперь, четверть вѣка спустя, избалованный читатель не удивляется даже такому разсказу, что вѣрно сдѣланный изъ гутта-перчи манкенъ Патти подражаетъ всѣмъ движеніямъ пѣвицы и поетъ ея настоящимъ голосомъ, заключеннымъ въ фонографѣ. Понятно, что нѣкоторый успѣхъ «Современныхъ Извѣстій» не могъ быть пріятенъ «Русскимъ Вѣдомостямъ» и служившіе въ новой газетѣ—основательно или нѣтъ—предполагали, будто случавшееся нѣсколько разъ разсыпаніе всей сверстанной формы этой газеты происходило вслѣдствіе подкупа со стороны служившихъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Дѣйствительно, раза четыре было, что вполнѣ готовый къ печати наборъ разсыпался весь, когда собирались вертѣть машину. Крайне утомленнымъ суточною работою наборщикамъ и лицу, выпускавшему нумеръ, нужно было въ какихъ нибудь два часа сдѣлать то, что работалось цѣлый день, и притомъ бо́льшимъ числомъ людей.

Такъ какъ въ этихъ неудачахъ подозрѣвали вертѣльщиковъ, то редакторомъ приглашены были вертѣльщики изъ синодальной типографіи. Это были два высокихъ дюжихъ старика, съ тупымъ, почти идіотскимъ выраженіемъ лица. Это были сыновья сельскихъ дьячковъ, оказавшіеся неспособными къ наукамъ. Двадцать пять лѣтъ вертѣли они машины въ синодальной типографіи и теперь дослуживали послѣдніе мѣсяцы до полученія пенсіи. Наборщики «Современныхъ Извѣстій» называли ихъ шутя: «ваше благородіе», такъ какъ, говорили, будто они, за свою выслугу на коронной службѣ, получили чинъ, не то коллежскаго регистратора, не то губернскаго секретаря. Хотя въ типографіи «Современныхъ Извѣстій» они работали въ свое свободное время, — то есть отъ 4 до 7 часовъ утра, — все таки имъ платили здѣсь въ полтора раза больше, нежели прежнимъ вертѣльщикамъ.

Прошло, должно быть, мѣсяца два, какъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» появилось сообщеніе такого рода: «По Никольской ходятъ слухи, что «Современныя Извѣстія» безвозмездно пользуются шрифтомъ, станками, машинами и даже рабочими изъ синодальной типографіи». Такая полная несправедливость произвела крайне прискорбное впечатлѣніе на участниковъ въ новой газетѣ. Всѣмъ

имъ извѣстно было, что вертѣльщиками пользуются въ ихъ свободное время; даютъ имъ хорошее вознагражденіе, а машины и станки пріобрѣтены новые не изъ синодальной типографіи и еще невполнѣ оплачены.

Пріѣхали въ редакцію знакомые редактора, прочитавшіе это извѣстіе; всѣ просили его печатно опровергнуть такіе ложные слухи. Г. Гиляровъ-Платоновъ нашелъ послѣ этого неудобнымъ быть одновременно частнымъ владѣльцемъ типографіи, редакторомъ-издателемъ и начальникомъ синодальной типографіи, и подалъ въ отставку.

Весною, писавшій иностранныя извѣстія Серебренниковъ окончилъ курсъ въ университетѣ и заявилъ редактору, что по просьбѣ нѣкоторыхъ лицъ онъ ѣдетъ въ Одессу основать тамъ газету «Новороссійскій Телеграфъ». Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, проѣздомъ черезъ Москву въ Вѣну, онъ заѣзжалъ въ редакцію «Современныхъ Извѣстій» и сказалъ, что ѣдетъ основать въ Вѣнѣ газету (помнится, «Neue freie Presse»).

Двадцать пять лѣтъ назадъ, предложеніе труда не превышало спроса, какъ это бываетъ теперь, и нѣкоторое время газета оставалась безъ сотрудника по иностранному отдѣлу; но такъ какъ нужно же было давать читателямъ политическія свѣдѣнія, то сотрудникъ по внутреннему отдѣлу, П. А. Гиляровъ, началъ склеивать иностранныя извѣстія изъ разныхъ петербургскихъ газетъ. Всѣ мы радовались, какъ это онъ удачно подбираетъ и составляетъ, какъ вдругъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» появилось такое точное разоблаченіе, какое могло быть сдѣлано только послѣ просмотра этого склееннаго оригинала: указывалось, какія строчки взяты изъ такой, какія изъ другой газеты; слѣдовательно, кто нибудь изъ наборщиковъ насъ выдалъ.

Весною же, въ самомъ помѣщеніи произведены были перемѣны: миньятюрная редакціонная комната превращена была въ корректорскую. Подъ редакцію же отдѣланы были три комнаты на антресоляхъ въ бывшей квартирѣ конторщика. Оставалась еще одна комната, въ которую мнѣ пришлось поселиться послѣ такого непріятнаго со мною случая. Разъ весь наборъ и выправка нумера были сдѣланы раньше обыкновеннаго. Я подписала нумеръ къ печати и пошла къ себѣ домой на Никитскую. Только что начинало разсвѣтать. Я шла по Красной площади, миновавъ уже памятникъ Минину. Вдругъ передо мною, словно изъ-подъ земли, выросъ высокаго роста мужчина и загородилъ мнѣ дорогу. Я хотѣла увернуться и поскорѣй пройти мимо него; но онъ растопырилъ руки и не пропускалъ. «Безстыдница! распутная, откуда ты идешь»?—

закричалъ онъ.—Оставьте меня пожалуйста; я спѣшу домой отдохнуть послѣ работы,—сказала я.

Эти слова совсѣмъ взорвали его; онъ началъ оскорблять меня въ самыхъ непозволительныхъ и циничныхъ выраженіяхъ, и чѣмъ больше самъ говорилъ, тѣмъ больше приходилъ въ азартъ, размахивая руками. Я испугалась, что онъ прибьетъ меня, и изо всѣхъ силъ побѣжала назадъ къ памятнику. Тутъ я разсказала часовому, откуда я иду, а меня обижаетъ вонъ тотъ человѣкъ. Часовой не отвѣтилъ мнѣ ни слова, точно не слыхалъ, что̀ я ему говорила. Я простояла возлѣ него, пока мой обидчикъ прошелъ дальше. Теперь такого оскорбителя женщинъ назвали бы «русскій Джекъ». Случай подобнаго же оскорбленія былъ еще въ 1876 году. Ночью изъ редакціи въ типографію, съ корректурными гранками въ рукахъ, шла по Воздвиженкѣ шестнадцатилѣтняя дѣвушка. Со двора церкви Воздвиженія вышелъ молодой человѣкъ и набросился на нее съ крайне оскорбительными словами. Она продолжала идти молча. Тогда онъ зашелъ впередъ и со всего размаху далъ ей пощечину.

Лѣтомъ личный составъ редакціи пополнился сотрудникомъ, доставлявшимъ отчеты изъ окружнаго суда; начали со стороны присылать статьи и корреспонденціи; найденъ былъ, наконецъ, и сотрудникъ для иностранныхъ извѣстій, хотя не такой способный, какъ г. Серебренниковъ; но недостатки его сглаживались внимательнымъ просмотромъ редактора. Газета улучшалась, распространялась. Сотрудники овладѣли каждый своимъ отдѣломъ. Случались, конечно, нѣкоторые промахи, вслѣдствіе общей неопытности и спѣшности работы, но въ цѣломъ газета почти установилась.

Въ одинъ день, всѣ члены редакціи сидѣли за большимъ столомъ и молча занимались каждый своимъ дѣломъ. Редактору подали письмо; онъ прочиталъ его и, подумавши, написалъ отвѣтъ; потомъ обѣ эти записки поочередно давалъ читать сотрудникамъ. Одна записка была отъ М. П. Погодина; онъ просилъ въ ней редактора «Современныхъ Извѣстій» соединить оба ихъ изданія въ одно. Погодинъ писалъ: «Въ нашемъ общемъ изданіи будетъ и соль, и перецъ, и сахаръ. Въ цѣломъ выдетъ хорошо. Мнѣ необходимо уѣхать, а въ свое отсутствіе я не знаю, кому поручить газету. Не издавать же — я не могу, такъ какъ уже много лѣтъ человѣкъ семьсотъ акуратно высылаютъ мнѣ подписныя деньги, не справляясь даже о томъ, намѣренъ я издавать газету или нѣтъ. Иногда я собирался прекратить изданіе, но эти непремѣнные подписчики просто обязываютъ меня продолжать его». На эту записку нашъ редакторъ отвѣтилъ, что вечеромъ пріѣдетъ переговорить съ

нимъ. Сотрудники убѣдительно просили его не соглашаться на предложеніе Погодина. Помнится, что Погодинъ уѣхалъ въ старый Іерусалимъ, прекративъ на время изданіе. По этому случаю, въ одномъ сатирическомъ листкѣ (кажется, въ «Развлеченіи») появилась картинка, на которой было изображено, какъ въ рѣкѣ Іорданѣ купается Погодинъ, а на берегу стоятъ подписчики и говорятъ: «Такъ вотъ ты гдѣ, Михаилъ Петровичъ, а мы тебя, батюшка, искали, искали».

Осенью Н. П. Гиляровъ-Платоновъ получилъ отставку отъ должности начальника синодальной типографіи и переселился на Смоленское подворье, въ тотъ же домъ, гдѣ были контора и типографія «Современныхъ Извѣстій» Сотрудники заняли тамъ же меблированныя комнаты. Въ это время сотрудникъ по иностранному отдѣлу сдѣлалъ серьезный промахъ и редакторъ настоялъ, чтобы иностранныя извѣстія писала я, такъ какъ все равно я уже навыкла переводить телеграммы. Между тѣмъ, я была недостаточно свѣдуща въ дѣлахъ международной политики и потому начала заниматься подъ руководствомъ редактора и переводила выбранныя имъ извѣстія. Разъ, когда я сидѣла за работой въ кабинетѣ редактора, вошелъ туда И. С. Аксаковъ. Еще въ институтѣ, читая «Семейную Хронику» его отца, я заинтересовалась семействомъ Аксаковыхъ; затѣмъ читала стихотворенія Ивана Сергѣевича, статья его брата Константина Сергѣевича, а въ послѣднее время часто слыхала отъ редактора разсказы объ Аксаковыхъ. Понятно, что мнѣ любопытно было видѣть лично Ивана Сергѣевича. Я подняла на него глаза; но онъ окатилъ меня такимъ насмѣшливымъ, презрительнымъ, негодующимъ взглядомъ, что въ первую минуту мнѣ захотѣлось убѣжать; но тутъ же явилось сознаніе, что своимъ добросовѣстнымъ и честнымъ трудомъ я не заслуживаю ни насмѣшекъ, ни презрѣнія, и я продолжала писать, припоминая, какъ редакторъ разсказывалъ, что тотъ кружокъ, къ которому принадлежалъ Иванъ Сергѣевичъ, съ негодованіемъ относится къ «женскому вопросу». Пишущая въ газетѣ женщина, конечно, напомнила ему этотъ вопросъ и пробудила въ его душѣ негодованіе. По уходѣ его, редакторъ сказалъ мнѣ, чтобы я не удивлялась, что Иванъ Сергѣевичъ такъ взглянулъ на меня, потому что онъ не только не вѣритъ въ способность женщинъ къ серьезному труду, но прежде даже не допускалъ, чтобы женщины могли быть хорошими писательницами. И когда Кохановская прислала въ «Русскую Бесѣду» свою рукопись: «Послѣ обѣда въ гостяхъ», то Иванъ Сергѣевичъ спорилъ со всѣми, что авторъ — мужчина, прикрывшійся женскимъ псевдонимомъ. Повѣсть эта привела его

въ восхищеніе и онъ написалъ автору такое письмо: «Скажи, кто ты? Откройся! зачѣмъ прикрываешься ты женскимъ именемъ? Женщина не можетъ такъ писать». На это восторженное письмо Кохановская отвѣтила: «Христосъ съ вами, Иванъ Сергѣевичъ; право же, я женщина, и вотъ вамъ мой полный адресъ».

Редакторъ и его немногочисленные сотрудники продолжали тщательно обработывать каждый свой отдѣлъ. Газета стала разнообразнѣе и оживленнѣе. Внимательные читатели присылали свои замѣчанія, иногда благодарности. Особенно понравилось редактору письмо подписчика, который, благодаря его за содержаніе газеты, выразился такъ: «Ваша молодая газета, какъ молодая дѣвушка, съ каждымъ днемъ все хорошѣетъ».

Въ самый тотъ день, какъ редакторъ съ удовольствіемъ читалъ вслухъ сотрудникамъ это посланіе, онъ получилъ отъ И. С. Аксакова письмо такого содержанія: «Предлагаю вамъ, уважаемый Никита Петровичъ, вступить въ союзъ со мною. Сольемте наши изданія въ одно. Вы получите богатый инвентарь и хорошихъ сотрудниковъ, а своихъ теперешнихъ сотрудниковъ отбросьте».

Это письмо произвело несовсѣмъ пріятное впечатлѣніе на редактора. «Какъ же Иванъ Сергѣевичъ не понимаетъ, что неблавидно *отбросить* людей, которые вмѣстѣ со мною выносятъ на своихъ плечахъ всю газету», — говорилъ онъ.—«А его сотрудниковъ я знаю: каждый считаетъ себя редакторомъ своего отдѣла и цѣнятъ себя такъ дорого, какъ я платить имъ не въ состояніи».

Вскорѣ послѣ этого, Иванъ Сергѣевичъ прислалъ нашему редактору крайне рѣзкое письмо за то, что въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» было напечатано объявленіе о книжкѣ Ливанова: «Раскольники и острожники». Въ этой публикаціи были упомянуты имена нѣкоторыхъ старообрядцевъ, участвовавшихъ своими капиталами въ «Москвѣ». Нашъ редакторъ отвѣтилъ Ивану Сергѣевичу, что публикаціи не принадлежатъ къ тексту, и редакція за нихъ не отвѣтственна. Послѣ этого, Иванъ Сергѣевичъ прекратилъ всѣ сношенія съ редакторомъ «Современныхъ Извѣстій» года на два.

Редакціонная сторона газеты установилась: кромѣ прежнихъ сотрудниковъ, приносили статьи постороннія лица; для переводовъ изъ англійскихъ газетъ приглашена была переводчица; много присылалось корреспонденцій; но конторская сторона очень хромала: подписчики жаловались на неакуратную доставку газеты; въ дѣлѣ закупокъ бумаги, краски и шрифта былъ большой безпорядокъ за отсутствіемъ надзора. Уже много лицъ перебывало на должности

администратора; но ни одно изъ нихъ не поступалось своими личными интересами ради интересовъ изданія.

Разъ вечеромъ я вошла въ кабинетъ редактора. Нѣкто, сидѣвшій передъ нимъ, быстро вскочилъ, наскоро простился и убѣжалъ. Редакторъ былъ грустенъ. «Это у меня сидѣлъ сейчасъ редакторъ астраханской газеты «Востокъ»,—сказалъ онъ.—Тамъ въ провинціи его притѣсняли; онъ вынужденъ былъ уѣхать, а тутъ въ Москвѣ у него захворала жена; нечѣмъ было лѣчить; положилъ въ больницу; она умерла, а теперь хоронить нечѣмъ. Я далъ ему 40 рублей и пригласилъ на мѣсто управляющаго. Вотъ какова бываетъ участь редакторовъ». Черезъ день господинъ этотъ явился; онъ былъ ниже средняго роста, немного кривобокій, рябой и заика. Онъ отрекомендовалъ себя въ редакціи: «Аркадій Владиміровичъ Иванисовъ-Резеда». Вскорѣ на стѣнахъ типографіи, конторы, машинной, даже на лѣстницахъ и въ коридорахъ появились печатные плакаты со строгими правилами для служащихъ. Въ конторѣ для пріема подписки сидѣла красивая молоденькая дѣвушка; двѣ другія провѣряли подписныя книги; еще двѣ на антресоляхъ подбирали алфавитъ подписчиковъ. Вездѣ закипѣла дѣятельность. Самъ Иванисовъ-Резеда цѣлые дни разъѣзжалъ по покупкамъ и полученію денегъ. Въ то же время онъ успѣвалъ исполнять всѣ желанія, мимоходомъ высказанныя редакторомъ, его семействомъ и главными сотрудниками.

Когда онъ зашелъ ко мнѣ узнать, довольна ли я одной покупкой, сдѣланной имъ для меня, у меня сидѣлъ пріѣхавшій изъ Саратова братъ. По уходѣ Иванисова, братъ мнѣ сказалъ: «Этого господина я видѣлъ въ какомъ-то изъ поволжскихъ городовъ и при этомъ припоминаю какой-то обманъ въ родѣ того, что онъ по афишкамъ собралъ публику на концертъ; получилъ съ нея деньги, а когда вышелъ пѣть, то оказалось, что у него совсѣмъ нѣтъ голоса. А, можетъ быть, это былъ человѣкъ только похожій на него». Мнѣ тоже показалось страннымъ, что Иванисовъ, выдающій себя за окончившаго курсъ въ казанскомъ университетѣ, говоритъ «секлетарь» и «колидоръ». Первые дни редакторъ восхищался, какъ подтянуты были административныя возжи; но вскорѣ замѣтилъ, что съ увеличеніемъ дохода увеличился и расходъ. Управляющій нашъ одѣлся щегольски: хорошая черная пара, бархатный пиджакъ, золотые часы съ толстою золотою цѣпочкою, цѣнная шуба и дорогая шапка. Вездѣ онъ появлялся на короткое врѣмя и въ длинные разговоры не вступалъ. Недѣли черезъ три Иванисовъ пригласилъ къ себѣ на чай редактора съ семействомъ и главныхъ сотрудниковъ. Онъ занималъ одну комнату на антресо-

ляхъ надъ типографіей. Приглашенные пришли къ нему. Чай подавался роскошно, въ дорогой новой посудѣ; при гостяхъ онъ вынулъ изъ бархатнаго футляра новенькія позолоченыя чайныя ложки. Письменный столъ его весь былъ уставленъ бездѣлушками: красивыя раковины, изящныя письменныя принадлежности, филиграновой работы серебряная копилка, прекрасный альбомъ, въ крышкѣ котораго вставленъ былъ музыкальный ящичекъ, но въ альбомѣ была только одна карточка женщины, въ театральномъ костюмѣ. Указывая на нее, Иванисовъ презрительно сказалъ: «Много денегъ прожилъ я съ этой актрисой»! (Впослѣдствіи мы узнали, что это была фотографическая карточка Патти). Хотя Иванисовъ говорилъ гостямъ, что всѣ эти вещи и всю одежду онъ выкупилъ изъ заклада, но мы всѣ ушли отъ него съ увѣренностью, что все нами видѣнное только что куплено имъ на деньги «Современныхъ Извѣстій».

Отчеты по конторѣ Иванисовъ приносилъ редактору въ 3 или 4 часа ночи, ссылаясь на то, что днемъ некогда. Редакторъ, крайне утомленный дневною работою, подписывалъ эти отчеты, не читая; но разъ онъ вздумалъ внимательно проглядѣть приходъ и расходъ, и оказалось, что на первой строкѣ расхода было записано 50 р. въ личный счетъ редактора и въ предпослѣдней—та же сумма на личные расходы редактора, а между тѣмъ, онъ бралъ въ этотъ день не 100, а только 50 р. Когда онъ замѣтилъ это Иванисову, тотъ съумѣлъ объяснить такъ, что у редактора осталось только слабое подозрѣніе. Затѣмъ управляющій началъ настоятельно совѣтовать редактору открыть въ Петербургѣ отдѣленіе конторы «Современныхъ Извѣстій». Хотя всѣмъ уже становилось ясно, что Иванисовъ человѣкъ подозрительный, но, тѣмъ не менѣе, онъ умѣлъ убѣждать редактора, словно гипнотизируя его. Наконецъ, редакторъ поддался на его совѣтъ, и Резеда помчался въ Петербургъ. Вскорѣ редакторъ получилъ отъ него письмо, что дѣла идутъ великолѣпно, мѣсто для конторы нанято, вывѣска заказана и т. д. Но, вслѣдъ за этимъ, одинъ доброжелательный знакомый редактора написалъ ему: «По Петербургу, съ женщинами легкаго поведенія, разъѣзжаетъ на рысакахъ какой-то подозрительный человѣкъ, который называетъ себя вашимъ довѣреннымъ лицомъ, управляющимъ всѣми дѣлами вашего изданія. Онъ вымогаетъ вездѣ, гдѣ можно, деньги и соритъ ими. Думаю, что это самозванецъ, хотя онъ и показываетъ вездѣ бланки конторы «Современныхъ Извѣстій». Редакторъ показалъ это письмо сотрудникамъ. Рѣшили общимъ голосомъ осмотрѣть ящикъ его письменнаго стола. Ящикъ оказался незапертымъ и конторщица принесла его въ редакцію. Каждый изъ присутствовавшихъ взялъ себѣ изъ ящика по одной бумагѣ для просмотра.

— Господа, у меня въ рукахъ подорожная, — сказалъ редакторъ,—она выдана для пропуска «артиста императорскихъ театровъ Аркадія Владиміровича Иванисова-Резеды». Что это такое? вѣдь это поддѣльная подорожная.

— У меня,—заявилъ одинъ сотрудникъ,—афишка: «Чтецъ, пѣвецъ, разскащикъ, В. А. Иванисовъ-Резеда Первый».

Въ рукахъ другаго сотрудника оказался паспортъ на имя дворянина Аркадія Владиміровича Иванисова, 19 лѣтъ; между тѣмъ, Иванисову на видъ было лѣтъ подъ тридцать. Наконецъ, найденъ былъ счетъ изъ лавки на имя Артемія Васильевича.

— Кто же онъ на самомъ дѣлѣ?—спросилъ редакторъ.—Аркадій Владиміровичъ или Артемій Васильевичъ?

— Онъ просто безчисленный или многочисленный «артистъ, хористъ и аферистъ»,—словомъ, мошенникъ,—замѣтилъ одинъ изъ сотрудниковъ.

На лицѣ конторщицы выразился испугъ. Это была очень бѣдная и очень красивая молодая дѣвушка. Краснѣя, она призналась редактору, что Иванисовъ сдѣлалъ ей предложеніе, и хотя мать ея еще не дала ему окончательнаго отвѣта, но согласилась взять пока къ себѣ на воспитаніе двухъ его крошечныхъ дочерей, изъ которыхъ одна только начала ходить, а другая еще ползаетъ. Она призналась также, что получила отъ него телеграмму, въ которой онъ дѣлаетъ распоряженіе по конторѣ, но она не рѣшалась до сихъ поръ показать эту телеграмму редактору, такъ какъ Иванисовъ, не имѣя на то никакого права, пишетъ ей: «дорогая моя, распорядись»! Послѣ этого открытія, редакторъ написалъ Иванисову, что не желаетъ имѣть въ Петербургѣ отдѣленія конторы, а ему отказываетъ отъ мѣста управляющаго.

По возвращеніи своемъ изъ Петербурга, Иванисовъ поселился недалеко отъ редакціи, въ домѣ Кокорева, у Москворѣцкаго моста. Къ редактору начали со всѣхъ сторонъ присылать счеты: отъ портнаго, сдѣлавшаго Иванисову шубу, пальто и т. д.; изъ магазина бѣлья; съ Кузнецкаго моста за письменныя принадлежности, раковины, альбомъ съ музыкою, карточку Патти; изъ магазина серебряныхъ издѣлій — за чайныя ложки и копилку. Присылались счеты и изъ Петербурга.

Затѣмъ оказалось, что, живя уже въ Кокоревкѣ, Иванисовъ получалъ по захваченнымъ бланкамъ деньги изъ книжныхъ магазиновъ, въ которыхъ принималась подписка на «Современныя Извѣстія»; на бланкахъ стояла поддѣльная подпись редактора... Наконецъ, въ одномъ изъ крупныхъ книжныхъ магазиновъ вышла такая исторія: является туда Иванисовъ съ конторскимъ бланкомъ,

съ фальшивою подписью редактора, и требуетъ денегъ впередъ. Ему отвѣтили, что впередъ денегъ дать не могутъ. Тогда онъ проситъ отпустить ему всѣ сочиненія С. М. Соловьева за 27 рублей. Должно быть, управляющій магазиномъ заподозрилъ мошенничество и, отпустивъ книги, послалъ съ Иванисовымъ прикащика. Когда ихъ извощикъ подъѣхалъ къ крыльцу Смоленскаго подворья, Иванисовъ быстро спрыгнулъ и черезъ коридоръ меблированныхъ комнатъ вышелъ на внутренній дворъ, затѣмъ въ ворота и былъ таковъ. Прикащикъ доставилъ въ редакцію книги и тутъ узналъ о мошеннической продѣлкѣ.

Это все происходило въ концѣ великаго поста 1869 года. На пасху редакторъ и сотрудники получили отъ Иванисова вычурныя визитныя карточки, а когда на праздникъ въ типографіи было молебствіе и «поднимали» икону Спасителя, Иванисовъ стоялъ съ чистою совѣстью впереди наборщиковъ и по окончаніи молебна, какъ ни въ чемъ не бывало, съ улыбкой раскланялся съ редакторомъ и сотрудниками. Черезъ нѣсколько дней, изъ Кокоревской гостинницы редакторомъ получено было письмо, въ которомъ ему писали: «Вашъ управляющій, жившій съ нами рядомъ, арестованъ, а въ нумерѣ его остались двѣ крошечныя дѣвочки; одна ползаетъ, а другая ходитъ возлѣ нея и плачетъ. Сердце надрывается, глядя на нихъ». Чтобы разсказать до конца объ Иванисовѣ, я забѣгу впередъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Иванисовъ посаженъ былъ въ острогъ; но ненадолго. Онъ обморочилъ одного господина разсказомъ, будто онъ страдаетъ невинно, будто редакторъ «Современныхъ Извѣстій» жалѣетъ его, какъ своего лучшаго сотрудника, такъ какъ онъ оставилъ въ редакціи на 12 тысячъ рублей передовыхъ статей. Господинъ этотъ взялъ его на поруки; но Иванисовъ переманилъ къ себѣ жену своего благодѣтеля, вѣроятно, у него же похитилъ деньги и открылъ танцклассы, роскошно омеблировавъ квартиру. Объ этихъ дѣйствіяхъ его въ редакцію прислано было письмо, кажется, отъ самого потерпѣвшаго лица. Послѣ этого Иванисовъ снова водворяется въ острогъ; но опять ненадолго; вторично его кто-то выручаетъ.

Осенью семидесятаго года, конторщица попросила меня какъ-то на одинъ часъ замѣстить ее. Предъ крыльцомъ конторы остановилась новая коляска на желтыхъ колесахъ и вскорѣ ко мнѣ вошелъ щегольски одѣтый Иванисовъ; онъ раскланялся и спросилъ:

— Ну, какъ дѣла идутъ?

— Хорошо,—отвѣтила я.

— Что это вы блѣдны и худы?

— Нездоровится.

— Вы бы съѣздили полѣчиться за границу.

— Денегъ нѣтъ.

— Жаль, а у меня ихъ много; я женился на купеческой вдовушкѣ (забыла, какую фамилію онъ назвалъ) и теперь играю на биржѣ. Ну, прощайте; спѣшу на биржу.

Я разсказала въ редакціи объ этомъ явленіи Иванисова. Всѣ усомнились, чтобы онъ былъ женатъ, и удивлялись, что находятся наивные люди, которые берутъ его на поруки. Прошло мѣсяца два или три. Въ редакцію пріѣзжаетъ разъ судебный слѣдователь. Призываютъ меня въ кабинетъ редактора. Слѣдователь начинаетъ меня допрашивать:

— Знаете ли вы купеческое семейство (забыла фамилію)?

— Что въ Москвѣ есть купцы съ такой фамиліей, я слыхала...

— Неизвѣстно ли вамъ что нибудь изъ ихъ семейной жизни, какая нибудь ихъ семейная тайна?

— Рѣшительно не знаю ни изъ кого семья состоитъ, ни ихъ частной жизни, и никакой ихъ тайны.

— Имѣли ли вы намѣреніе ѣхать за границу лѣчиться?

— До сихъ поръ объ этомъ не думала,—отвѣчала я, не понимая, что̀ все это значитъ.

Затѣмъ пріѣхалъ присяжный повѣренный, который постоянно защищалъ въ судѣ дѣла газеты, и разсказалъ слѣдующее: къ одной женѣ или вдовѣ купца пріѣзжаетъ небольшаго роста господинъ и, заикаясь, говоритъ ей: «Я присланъ къ вамъ изъ «Современныхъ Извѣстій». Тамъ извѣстна ваша семейная тайна (дѣлаетъ намекъ на тайну). Если вы не желаете, чтобы она была оглашена, то заплатите три тысячи рублей. Сотрудница Скавронская желаетъ ѣхать за границу лѣчиться и ей необходима эта сумма».

Дама эта не отказала наотрѣзъ, а просила пріѣхать завтра въ 1 часъ дня. Послѣ этого она немедленно отправилась къ своему адвокату и разсказала ему о приключеніи съ ней. Ея адвокатъ, очень извѣстный въ Москвѣ, сказалъ, чтобы она денегъ этому господину не давала, такъ какъ онъ сомнѣвается и подозрѣваетъ тутъ мошенничество. Затѣмъ онъ поѣхалъ къ адвокату «Современныхъ Извѣстій» и разсказалъ ему про слышанный случай. Нашъ адвокатъ отвѣтилъ, что онъ хорошо знаетъ редактора и сотрудниковъ, и убѣжденъ, что они никогда не сдѣлаютъ ничего подобнаго, а что онъ подозрѣваетъ въ этой продѣлкѣ бывшаго управляющаго конторой, оказавшагося мошенникомъ. Онъ знаетъ его наружность и проситъ позволенія присутствовать на слѣдующій день при свиданіи его довѣрительницы съ господиномъ, вымогавшимъ у нея деньги.

На слѣдующій день, въ условное время, въ гостинной этой госпожи сидѣли ея адвокатъ и нашъ. Является господинъ. Нашъ адвокатъ увидѣлъ, дѣйствительно, Иванисова. Мошенникъ развязно раскланялся, подсѣлъ къ хозяйкѣ дома и вполголоса сказалъ ей, что онъ пріѣхалъ за полученіемъ извѣстныхъ ей денегъ.

— Позвольте узнать вашу фамилію?—сказалъ нашъ адвокатъ.

— Основскій,—отвѣтилъ онъ.

— Какъ? Вы—Нилъ Андреевичъ? Я лично хорошо знаю Основскаго, по иниціативѣ котораго и основаны «Современныя Извѣстія».

— Нѣтъ, вы ослышались, — возразилъ Иванисовъ, пользуясь своимъ заиканьемъ.—Я Ословскій.

— А я убѣжденъ, что вы—Иванисовъ, и вы знаете, кто я.— оборвалъ его адвокатъ.

— Хоть я прислалъ по такому щекотливому дѣлу, — сказалъ Иванисовъ,—но все таки откровенно признаюсь, что я, дѣйствительно, Иванисовъ.

При этомъ онъ быстро вскочилъ и хотѣлъ убѣжать; но полиція была уже предупреждена и его арестовали.

Какими-то путями онъ опять оказался, однако, на свободѣ. Лѣтомъ 1871 года, въ газетѣ появилось сообщеніе, что два дня назадъ, ночью, на Рогожское кладбище къ одному богатому старообрядцу пріѣхалъ въ коляскѣ какой-то господинъ, назвалъ себя чиновникомъ особыхъ порученій, барономъ Корфомъ; кричалъ на него, обвиняя въ незаконныхъ поступкахъ, и потребовалъ, чтобы тотъ отдалъ ему всѣ имѣющіяся у него въ домѣ деньги. Оробѣвшій старообрядецъ поспѣшилъ исполнить требованіе. Мнимый баронъ сказалъ, что арестуетъ его въ его домѣ и, забравъ въ портфель деньги (помнится: двѣсти тысячъ), уѣхалъ. Вскорѣ или на утро оказалось, что старообрядецъ этотъ не находится ни подъ какимъ арестомъ, и догадались, что пріѣзжавшій въ коляскѣ господинъ былъ самозванецъ.

Прочитавъ это сообщеніе, редакторъ «Современныхъ Извѣстій» въ руководящей статьѣ написалъ: «Этотъ мнимый чиновникъ особыхъ порученій, по всему вѣроятію, былъ никто иной, какъ Аркадій Владиміровичъ Иванисовъ». Хотя многіе удивились, какъ смѣло было высказано это предположеніе, тѣмъ не менѣе, въ тотъ же день, по указанію статьи, Иванисова арестовали въ Царицынѣ, гдѣ онъ кутилъ въ буфетѣ, успѣвъ промотать только 200 рублей. Иванисова опять сажаютъ въ острогъ; но по непонятнымъ причинамъ ему нѣсколько разъ послѣ этого удавалось бывать на свободѣ. И каждый разъ онъ успѣвалъ выкинуть что нибудь такое, за что снова попадалъ въ тюремный замокъ. Только что оканчивалось

слѣдствіе по одному дѣлу, какъ на смѣну ему являлось другое; разбирательство въ окружномъ судѣ «по совокупности» откладывалось и не могло состояться въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Говорили, что когда окончилось слѣдствіе по послѣднему дѣлу, и Иванисовъ не успѣлъ еще натворить чего нибудь новаго, то, чтобы оттянуть разбирательство, онъ бросился съ кулаками на слѣдователя и съ видомъ оскорбленнаго достоинства закричалъ: «Вы обращаетесь со мною, какъ съ какимъ нибудь карманникомъ. Ошибаетесь, я мошенникъ крупной руки».

Иванисовъ свыкся уже съ острожною жизнью и даже въ 1872 г. представилъ на выставку модель образцоваго острога. Въ 1876 г. мы узнали, что онъ умеръ въ острогѣ умалишеннымъ и въ чахоткѣ: послѣдніе годы онъ содержался въ одиночномъ заключеніи.

Возвращаюсь воспоминаніями къ осени 1869 года. Въ августѣ или сентябрѣ, не припомню, редакторъ разсказалъ сотрудникамъ, что къ нему наканунѣ приходило три молодыхъ человѣка, крайне его заинтересовавшіе; такіе, какихъ онъ до сихъ поръ не видалъ, и назвалъ ихъ *новымъ типомъ журналистовъ*. До этого времени статьи и извѣстія въ редакцію доставляли или люди солидные, съ положеніемъ въ обществѣ, писавшіе основательно и обдуманно, или люди молодые съ богословскимъ образованіемъ, разсуждавшіе въ своихъ статьяхъ о вопросахъ общественной нравственности; статьи ихъ бывали всегда изложены по всѣмъ правиламъ дидактическихъ сочиненій. Наконецъ, ремесленники, мелочные торговцы и др. приносили мелкія извѣстія о какомъ нибудь интересномъ происшествіи или случаѣ, близко ихъ задѣвшемъ.

Редакторъ разсказывалъ, что эти «новые» молодые люди явились къ нему съ предложеніемъ доставлять въ газету «замѣтки», назначая себѣ высшую построчную плату. И предложеніе замѣтокъ, и назначеніе гонорара за нихъ было сдѣлано съ сознаніемъ собственнаго достоинства, съ апломбомъ. Одѣты они были по послѣдней модѣ; у одного на носу золотое пенснэ, у другаго — на лѣвой рукѣ золотой браслетъ. Двое изъ нихъ только что окончили университетъ со степенью дѣйствительнаго студента; третій (съ пенснэ) былъ на послѣднемъ курсѣ юридическаго факультета. Говорили они не спѣша и такъ тихо, что часто приходилось ихъ переспрашивать. Редакторъ отвѣтилъ имъ, что онъ не понимаетъ, что́ именно они подразумѣваютъ подъ «замѣтками»? Если гдѣ нибудь произойдетъ какой либо необыкновенный или любопытный случай, то всегда объ немъ сообщатъ въ газету изъ той именно среды, гдѣ это случилось. Очень часто подобные случаи происхо-

дять въ такой средѣ, въ которую эти молодые люди по своему воспитанію попасть не могутъ. Наконецъ, какую пользу, матеріальную или духовную, могутъ приносить имъ писаніе «замѣтокъ» и полученіе за нихъ копѣекъ? Словомъ,—какъ онъ выразился,—онъ «шпиговалъ» ихъ, язвилъ, а они оставались неуязвимы; только вѣжливо улыбались, и улыбка ихъ имѣла видъ снисхожденія къ нему.

Не смотря на нелюбезный пріемъ, имъ оказанный, эти «новые журналисты» начали доставлять маленькія замѣтки. Почеркъ у нихъ былъ почти одинаковый, трясущійся, какъ будто рука сильно дрожала. Замѣтки доставлялись на ровно отрѣзанныхъ, продолговатыхъ лоскуткахъ бумаги, налинованной квадратиками, такъ что на каждый квадратикъ приходилась одна буква, а такъ какъ при первомъ посѣщеніи редактора они сказали, что имъ извѣстно, сколько буквъ въ одной строчкѣ «Современныхъ Извѣстій», то они заранѣе могли знать, сколько копѣекъ дастъ каждая замѣтка. (Скажу мимоходомъ, что давнишніе сотрудники «Современныхъ Извѣстій» не знали, сколько буквъ въ строкѣ). Содержаніе этихъ замѣтокъ было такое ничтожное, что онѣ могли и быть, и не быть напечатанными: умѣлое изложеніе ихъ придавало значеніе ничтожному содержанію. Слово со словомъ, предложеніе съ предложеніемъ были такъ связаны, что трудно было сдѣлать въ нихъ какое либо сокращеніе. Если же изложеніе явно раздувало содержаніе, то редакторъ уничтожалъ всю замѣтку.

Въ октябрѣ редакторъ арендовалъ въ Ваганьковскомъ переулкѣ домъ князя Голицына,—тотъ самый, который теперь принадлежитъ издателю «Московскаго Листка» Н. И. Пастухову. Тутъ нашлось достаточное помѣщеніе не только для просторной квартиры редактора, но и для расширенной типографіи, а также порядочная комната для пріема посѣтителей. Какъ извѣстно, въ каждую редакцію является много лицъ для разныхъ объясненій. Въ прежнемъ помѣщеніи одни принимались въ конторѣ, другіе въ залѣ у редактора, имъ самимъ. Эти пріемы и объясненія отнимали у него много времени и онъ нашелъ, что для этого нужно пригласить особаго человѣка, который отъ 12 до 3 часовъ пополудни принималъ бы публику и просматривалъ присылавшіяся въ редакцію груды писемъ. Подумавши, онъ остановился въ своемъ выборѣ на молодомъ человѣкѣ съ золотымъ пенснэ, какъ обладавшимъ особенною способностью быть всегда ровнымъ, обходительнымъ и любезнымъ; его смущало только то, что эти именно часы молодой человѣкъ долженъ бы проводить въ университетѣ. Когда редакторъ сказалъ ему о своемъ желаніи и о неудобствѣ его исполнить, молодой человѣкъ выразилъ полную готовность занять такое мѣсто, а отно-

сительно обязанности своей быть въ эти часы въ университетѣ замѣтилъ, что все равно онъ просматриваетъ лекціи дома.

Редакторъ поставилъ ему въ условіе, чтобы онъ не сотрудничалъ ни въ какихъ другихъ изданіяхъ, а старался бы получше выправлять тотъ громадный матеріалъ, который доставляли газетѣ присылавшіяся въ редакцію письма. Молодой человѣкъ, улыбаясь, замѣтилъ редактору, что подобное условіе довольно тяжело и согласиться на такую жертву онъ можетъ только въ томъ случаѣ, если ему назначатъ жалованье не менѣе 300 руб. въ мѣсяцъ. И, къ своему собственному удивленію, редакторъ согласился на это. Въ продолженіе недѣли новый сотрудникъ очень обходительно принималъ посѣтителей и вѣжливо объяснялся съ ними; въ свободныя минуты выправлялъ полученныя корреспонденціи и извѣстія. Слѣдующую недѣлю онъ былъ нѣсколько нетерпѣливѣе: полученныя письма пересталъ заносить въ книгу; выправленныхъ извѣстій подавалъ редактору меньше, объясняя такъ: «Присылаютъ такую чушь, изъ которой нечего выбрать». Еще дальше онъ совсѣмъ пересталъ давать въ типографію выправленныя извѣстія, а по вечерамъ присылалъ свои замѣтки. Назначенное ему время отъ 12 до 3 часовъ пополудни ходилъ по пріемной, играя пенснэ, и передъ проходившими черезъ эту комнату лицами даже не скрывалъ своего томленія. «Ахъ, какъ мнѣ ѣсть хочется,—говорилъ онъ,—я привыкъ въ это время завтракать»; или такъ: «Цѣлыхъ три часа болтаться тутъ; выслушивать всякій вздоръ и читать цѣлую груду ерунды—это просто мученье».

Разъ онъ попался въ томъ, что свою замѣтку заимствовалъ изъ присланнаго письма. Письменно сообщилъ ее знакомый редактора, и когда она появилась въ печати, авторъ пріѣхалъ замѣтить, зачѣмъ ее передѣлали? Сотрудникъ съ пенснэ отвѣтилъ редактору, что это онъ написалъ самъ такъ, какъ слышалъ въ обществѣ.

Но какое-то слово изобличило его.

Затѣмъ редакторъ, читая московскій фельетонъ въ «Голосѣ», обратилъ вниманіе на то, что въ этотъ фельетонъ внесенъ анекдотъ, который онъ разсказывалъ на дняхъ сотруднику. Фельетонъ подписанъ былъ псевдонимомъ «Неонъ».

Редакторъ, смѣясь, разсказалъ своимъ прежнимъ сотрудникамъ, что этотъ псевдонимъ окончательно убѣдилъ его въ томъ, что московскій фельетонъ въ «Голосѣ» пишетъ именно «онъ».

Редакторъ не сдѣлалъ замѣчанія своему сотруднику и продолжалъ, скорбя, читать фельетоны «Неона». Прошелъ мѣсяцъ. Редактору понадобилось съѣздить въ Петербургъ. Онъ призвалъ

всѣхъ сотрудниковъ и просилъ ихъ продолжать внимательно относиться къ дѣлу, а все веденіе газеты поручилъ молодому человѣку съ пенснэ. Но въ ту ночь, какъ редакторъ ѣхалъ въ Петербургъ, временно замѣстившій его въ редакцію не явился, а на утро кто-то далъ намъ знать, что онъ высланъ изъ Москвы.

По возвращеніи своемъ, редакторъ разсказалъ намъ слѣдующее: на второй день по пріѣздѣ его въ Петербургъ, онъ сдѣлалъ визитъ редактору «Голоса». А. А. Краевскій былъ очень радъ его видѣть, чтобы разузнать, что̀ за личность тотъ молодой человѣкъ, который присылаетъ ему фельетоны изъ Москвы? Мѣсяца полтора назадъ, онъ прислалъ первый свой фельетонъ и сопроводилъ его письмомъ, въ которомъ говорилъ, что имѣетъ въ своихъ рукахъ громадный матеріалъ, а именно цѣлыя груды писемъ, присылаемыхъ въ «Современныя Извѣстія». Онъ состоитъ секретаремъ редактора, прочитываетъ эти письма и можетъ по нимъ составлять фельетонъ, тѣмъ болѣе, что такая небольшая газета, какъ «Современныя Извѣстія», не можетъ вмѣщать всего присылаемаго ей матеріала. А редакторъ «Современныхъ Извѣстій» ничего не имѣетъ противъ его сотрудничества въ «Голосѣ». Въ послѣднемъ фельетонѣ онъ разсказалъ анекдотъ, который оказался сочиненнымъ, на лицъ почтенныхъ и высокостоящихъ. У Краевскаго спросили имя автора и онъ назвалъ его. Мать высланнаго имѣла большія знакомства и связи. Она вездѣ ѣздила и разсказывала, будто бы редакторъ «Совр. Изв.» наговорилъ въ Петербургѣ на ея сына и онъ теперь невинно страдаетъ. Клевета эта быстро распространилась, долго и упорно держалась, не смотря на опроверженія со стороны лицъ, знавшихъ правду и увѣрявшихъ, что сынъ ея увезенъ былъ изъ Москвы въ ту ночь, когда редакторъ сидѣлъ въ вагонѣ, по дорогѣ въ Петербургъ, и затѣмъ: какой смыслъ былъ бы въ томъ, что онъ все веденіе газеты поручилъ лицу, которому намѣренъ былъ повредить? Такъ какъ публичнаго опроверженія этой клеветы на редактора не было, то возможно, что кое-кто и кое-гдѣ такъ и остался при ложномъ мнѣніи. Благодаря своимъ связямъ, мать высланнаго сотрудника добилась того, что вскорѣ онъ былъ не только возвращенъ, но и опредѣленъ на довольно видную должность по министерству юстиціи, не смотря на то, что не кончилъ еще курса въ университетѣ; но онъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, былъ уволенъ черезъ годъ или два и для поправленія своего здоровья отправился въ Италію. Тамъ онъ принялъ католичество и вскорѣ умеръ.

Когда молодой человѣкъ съ пенснэ выбылъ изъ «Современныхъ Извѣстій», на мѣсто его, но уже безъ жалованья, явился

въ качествѣ постояннаго сотрудника его товарищъ № 2-й, до сихъ поръ доставлявшій только «замѣтки». Онъ началъ писать театральныя рецензіи, отчеты о засѣданіяхъ разныхъ обществъ, а подъ конецъ—фельетоны. Въ минуты отдыха онъ былъ неоцѣненнымъ собесѣдникомъ редактора: умѣлъ молчать, когда тому не хотѣлось слушать; умѣлъ говорить, когда редакторъ расположенъ былъ слушать; умѣлъ вызывать его на бесѣды, нарисовать чье угодно лицо, набросать стихотвореніе, написать слогомъ какого хотите извѣстнаго русскаго писателя и, наконецъ, поиграть на фисгармоніи, если разговоръ шелъ о музыкѣ. Онъ, также какъ и первый его товарищъ, говорилъ тихо, сдержанно; ни о комъ рѣзко не выражался и умѣлъ сразу понять, въ какомъ настроеніи находится редакторъ. Развлекая его, онъ незамѣтно наводилъ его на любопытство заняться спиритическими сеансами. Терпѣливо, въ теченіе двухъ или трехъ часовъ, держалъ съ редакторомъ руки на тарелкѣ, и дѹхи писали имъ, напримѣръ, продолженіе «Мертвыхъ душъ» Гоголя, а затѣмъ въ московскомъ фельетонѣ «Голоса» являлось подробное описаніе этого сеанса. Духи писали ровно столько, сколько нужно было для одного фельетона. Если сотрудникъ № 2-й забиралъ въ конторѣ газеты деньги впередъ, то послѣ этого долгое время онъ не доставлялъ своихъ «замѣтокъ» въ редакцію, а писалъ ихъ тогда и присылалъ его товарищъ № 3 съ золотымъ браслетомъ на лѣвой рукѣ. Такая изворотливость была замѣчена въ редакціи и произвела непріятное впечатлѣніе. Затѣмъ впечатлѣніе это ухудшилось еще вслѣдствіе такого случая. Одинъ изъ старыхъ сотрудниковъ былъ разъ свидѣтелемъ очень интереснаго происшествія и, не имѣя времени записать его для газеты, разсказалъ подробно молодому человѣку № 2 и просилъ его написать и отдать въ наборъ; тотъ обѣщалъ это сдѣлать немедленно, но обѣщанія своего не исполнилъ, а вмѣсто «Современныхъ Извѣстій» сообщилъ о слышанномъ случаѣ телеграммою въ петербургскія газеты. Старый сотрудникъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ такое негодованіе, что не удержался и при всѣхъ сказалъ: «А намъ придется когда нибудь присутствовать при вашемъ нравственномъ паденіи». На эти рѣзкія слова молодой человѣкъ только снисходительно улыбнулся.

Всѣ эти трое молодыхъ людей были всегда сдержанны, умѣренны, осторожны. Хотя писать они начали,—какъ сами говорили,—еще въ послѣднемъ классѣ гимназіи, но не доводили себя до переутомленія. Тѣмъ не менѣе, здоровье ихъ все таки было хилое, разслабленное, и они, одинъ за другимъ, преждевременно сошли въ могилу. Впрочемъ, являлось подозрѣніе, что умѣренны они были

только въ обществѣ. На что же нибудь они проживали большія деньги: всѣ трое имѣли средства отъ родителей и много зарабатывали. Это подозрѣніе подтверждалось тѣмъ, что когда редакторъ, въ годовщину основанія газеты, приглашалъ сотрудниковъ ужинать къ Тѣстову или въ Эрмитажъ, то оказывалось, что половые въ ресторанахъ не только знаютъ этихъ молодыхъ людей по имени и отчеству, но даже хорошо изучили ихъ вкусы и, подавая душеный филей, замѣчали: «Вы вѣдь любите трюфели, а вы—сою». Не смотря на благовоспитанность этихъ молодыхъ людей, редакторъ не приглашалъ ихъ къ себѣ по воскресеньямъ, когда вечеромъ у него собирались такіе его знакомые, какъ М. П. Погодинъ, А. М. Кошелевъ, Ѳ. В. Чижовъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, И. С. Аксаковъ, С. А. Юрьевъ, Павловы и др.

Много занимательнаго матеріала имѣли бы тѣ молодые люди для своихъ замѣтокъ и фельетоновъ, еслибы они присутствовали при бесѣдахъ этихъ пожилыхъ и почтенныхъ людей. Послѣдніе до конца своихъ дней не выходили изъ среды дѣйствующаго въ жизни персонала, не перешли въ ряды отдыхающихъ ветерановъ. Хотя всѣ они годились въ отцы тѣмъ троимъ молодымъ людямъ, но куда живѣе, горячѣе и, такъ сказать, моложе была ихъ рѣчь, потому что всѣ общественные вопросы они близко и искренно принимали къ сердцу,—словомъ, жили жизнью государства, а воспоминаніями своими о разныхъ событіяхъ хватали далеко и широко.

Въ то время еще немногіе выбыли изъ ихъ рядовъ и потому воспоминанія о лицахъ почти ограничивались Хомяковымъ и Константиномъ Аксаковымъ. Объ этихъ людяхъ говорили съ нѣкоторымъ, такъ сказать, благоговѣніемъ. Константина Аксакова называли цѣломудреннымъ и дѣвственнымъ; Хомякова—глубоко вѣрующимъ и искренно любившимъ народъ. Какъ примѣръ его любви къ народу, разсказывали, что одинъ изъ его друзей, пріѣхавъ къ нему въ деревню, увидалъ, что у него въ кабинетѣ на хорошихъ обояхъ выдѣляется большая грязная полоса, и замѣтилъ ему: зачѣмъ онъ не перемѣняетъ обоевъ? Хомяковъ отвѣтилъ: «Это я берегу на память: эта грязная полоса проведена ихъ (крестьянскими) спинами, когда они приходили ко мнѣ и, разговаривая со мною, прислонялись къ стѣнѣ».

Когда я слушала этотъ разсказъ, у меня вырвалось замѣчаніе: «Отчего же Хомяковъ, любя такъ крестьянъ, не позволялъ имъ присѣсть? Вѣдь они, вѣроятно, уставали стоять въ продолженіе, быть можетъ, нѣсколькихъ часовъ»? Разсказчикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и, помнится, отвѣтилъ, что этого нельзя было дѣлать.

Года четыре назадъ, я передавала этотъ разсказъ о Хомяковѣ одному молодому литератору въ Петербургѣ. Онъ былъ тронутъ имъ, но замѣтилъ мнѣ, что въ тѣ времена и очень развитые дворяне не могли еще допустить подобнаго панибратства съ крестьянами; да оно имъ и въ голову не приходило.

Очень можетъ быть, что молодой литераторъ правъ въ своемъ предположеніи. Помню еще случай, что удивились другому моему замѣчанію. Какъ извѣстно, именно въ этой средѣ созрѣла мысль объ освобожденіи крестьянъ. И вотъ Хомяковъ съ однимъ изъ своихъ друзей такъ горячо разговаривалъ объ этомъ вопросѣ, что цѣлую ночь они не могли разстаться: въ передней при отъѣздѣ говорили, говорили, и наконецъ одинъ другаго поѣхали проводить съ Нѣмецкой улицы на Собачью площадку; тутъ въ прихожей, не снимая шубъ, продолжали съ жаромъ говорить и опять съ Собачьей площадки поѣхали вмѣстѣ на Нѣмецкую улицу, и такъ проѣздили цѣлую длинную зимнюю ночь. Слушая это, я не удержалась и замѣтила: «Имъ-то было хорошо разговаривать о меньшей братіи, а каково было меньшему брату, ихъ кучеру, мерзнуть цѣлую ночь, да и лошадь жалко».

Хомяковъ очень любилъ русскій народъ въ его цѣломъ составѣ и высказался разъ такъ: «Возьмите отдѣльныя личности; вотъ Петръ, вотъ Иванъ, вотъ Семенъ; одинъ лѣнтяй, другой негодяй, третій плутъ. Но какъ живетъ и дѣйствуетъ цѣлое село, этими единицами составляемое? Честно и хорошо. Какова цѣлая волость? Положительно хорошая. Каковъ цѣлый народъ, изъ этихъ волостей и единицъ состоящій? Чудный народъ! Именно: «О, Россъ! о, родъ великодушный! о, твердокаменная грудь»!

Портретъ Хомякова, очень живо написанный масляными красками, я видѣла въ круглой залѣ у Погодина, когда пріѣзжала къ его женѣ переговорить объ ея желаніи оставить на время ея отсутствія изъ Москвы двухъ внуковъ-гимназистовъ при помѣщеніи редакціи «Современныхъ Извѣстій». Когда я разговаривала съ Софьей Ивановной, къ намъ въ комнату вошелъ Михаилъ Петровичъ и спросилъ меня: «Что же вы пишете въ газетѣ»? Я отвѣтила, что просматриваю иностранныя газеты, перевожу телеграммы и пишу «политическое обозрѣніе».

— Стало быть, это вы объяснили, что рѣку Шельду французы называютъ Escaut?

— Я.

— Это вы очень хорошо сдѣлали, а то на нашихъ картахъ она называется не иначе, какъ Шельда; нѣкоторые же переводчики изъ французскихъ газетъ переводятъ Эско; ищешь на на-

шихъ картахъ эту рѣку и не находишь. Вообще въ газетахъ всегда надо давать разъясненія: газеты должны поучать читателей. Такъ вотъ какъ: вы орудуете политическимъ отдѣломъ въ газетѣ. Скоро вѣдь мужчинамъ нечего будетъ дѣлать:—женщины все захватятъ въ свои руки. Вонъ въ Америкѣ уже появились женщины-офицеры.

— Вы каждый день просматриваете политическое обозрѣніе въ «Современныхъ Извѣстіяхъ»?—спросила я.

— Прочитываю внимательно.

— Вамъ не нравится, какъ оно бываетъ составлено и написано?

— Напротивъ, я доволенъ.

— Стало быть, я на своемъ мѣстѣ,—отвѣтила я.

Погодинъ говорилъ грубымъ тономъ и вообще онъ былъ грубоватъ, хотя, какъ ребенокъ, радовался, когда ему кто нибудь разсказывалъ, что познакомился съ хорошимъ молодымъ человѣкомъ. Погодинъ вообще любилъ поощрять молодыхъ людей, особенно талантливыхъ, а небогатымъ давалъ у себя въ домѣ пріютъ. Разсказывали, что одно время его гостепріимствомъ пользовался Гоголь. Погодинъ понукалъ его писать, и чуть изъ-подъ пера его выдутъ нѣсколько страницъ, какъ Погодинъ немедленно шлетъ ихъ въ типографію. Гоголь сердился, что Михаилъ Петровичъ не даетъ ему возможности отдѣлывать своихъ произведеній, и въ досадѣ сравнилъ Погодина съ тѣмъ животнымъ, которое, питаясь человѣческими отбросами, пожираетъ ихъ, не давъ имъ упасть на землю.

Я говорила уже, что эти лица своими воспоминаніями хватали далеко. А. И. Кошелевъ разсказывалъ, напримѣръ, о своемъ посѣщеніи Гёте. Конечно, Кошелевъ былъ тогда еще юношей и, какъ большинство тогдашнихъ юношей, восторженно воспринималъ все благородное и поэтическое. Начитавшись геніальныхъ произведеній великаго германскаго поэта, онъ рѣшился во время своего путешествія явиться къ нему лично, такъ сказать, на поклоненіе. Съ трепетомъ предвкушалъ онъ то высокое нравственное наслажденіе, которое надѣялся испытать въ бесѣдѣ съ геніальнымъ поэтомъ. Гёте радушно принялъ молодаго человѣка. Кошелевъ прямо высказалъ ему, что творенія его произвели на него глубокое впечатлѣніе и онъ не могъ удержаться, чтобы не явиться лично взглянуть на ихъ великаго автора. «О, ja, ja», сказалъ съ доброю отеческою улыбкою Гёте и пригласилъ его сѣсть. Молодой человѣкъ началъ говорить о Вертерѣ, о томъ, что онъ самъ теперь находится въ «Wanderjahre». Гёте, улыбаясь, кивалъ утвердительно головою и затѣмъ началъ задавать русскому путешественнику во-

просы о политикѣ, о придворной жизни и, главнымъ образомъ, о русскихъ министрахъ, передъ фамиліями которыхъ непремѣнно упоминалъ: «Herr Geheimrath X, Herr wirklicher staatsrath Z.» и т. д. Ни о литературѣ, ни о поэзіи не было и помину. И молодой человѣкъ вышелъ отъ Гёте безъ восторга.

Когда А. И. Кошелевъ разсказывалъ это, Ѳ. В. Чижовъ замѣтилъ, что во время своихъ путешествій за границею онъ посѣщалъ многихъ германскихъ ученыхъ, сочиненіями которыхъ увлекался въ Россіи, но послѣ бесѣды съ ними выносилъ всегда впечатлѣніе, что каждый ученый нѣмецъ глупѣе написанной имъ книги. Ѳ. В. Чижовъ много и хорошо разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ по чужимъ краямъ. Онъ былъ чрезвычайно наблюдателенъ и умѣлъ поразительно вѣрно отгадывать характеръ по почерку. Вскорѣ послѣ моего поступленія въ «Современныя Извѣстія», редакторъ послалъ ему страничку моего почерка для опредѣленія характера, и Ѳедоръ Васильевичъ, не видавъ меня еще ни разу, не только вполнѣ вѣрно опредѣлилъ мой характеръ, но даже не ошибся въ томъ, какихъ композиторовъ и поэтовъ я особенно люблю. Мнѣ разсказывали, что разъ получено было письмо отъ одного господина, котораго еще не видали лично; показали письмо Ѳедору Васильевичу и онъ сказалъ: «Когда этотъ человѣкъ входитъ, то, кланяясь, вотъ такъ подпрыгиваетъ». И когда вечеромъ господинъ этотъ вошелъ, то, раскланиваясь, дѣйствительно подпрыгнулъ именно такъ, какъ показалъ Чижовъ.

Чаще всѣхъ, даже не по воскресеньямъ только, а и въ будни, бывалъ въ редакціи «Современныхъ Извѣстій» С. А. Юрьевъ. Знавшимъ его лично извѣстна, конечно, его провербіальная разсѣянность. Сколько разъ бывало такъ, что онъ, пріѣхавъ въ редакцію съ кѣмъ нибудь вмѣстѣ, въ одномъ экипажѣ, и проговоривъ съ нимъ всю дорогу, въ прихожей, снявъ шубы, подходитъ къ этому же господину и любезно съ нимъ раскланивается, какъ будто только сейчасъ они встрѣтились. Часто, войдя въ редакцію, онъ начиналъ говорить совсѣмъ не о томъ, о чемъ тамъ шелъ разговоръ, а, очевидно, продолжалъ думать вслухъ о томъ, чѣмъ занята была его голова дорогою, какъ онъ ѣхалъ къ намъ. Сергѣй Андреевичъ былъ главнымъ образомъ математикъ и часто мысли его были заняты рѣшеніемъ математическихъ задачъ. Разъ въ редакціи онъ засталъ меня одну и началъ объяснять какую-то математическую задачу. Я совсѣмъ лишена математическихъ способностей; даже не могу запомнить важныхъ историческихъ чиселъ; но Сергѣй Андреевичъ такъ умѣлъ объяснять, особенно то, чѣмъ самъ былъ заинтересованъ, что я поняла его объясненія и до са-

маго вечера не только удержала ихъ въ памяти, но съумѣла даже передать редактору.

Еще разъ засталъ меня одну Сергѣй Андреевичъ, пріѣхавши со своими математическими думами; но, какъ онъ мнѣ ни объяснялъ, я ничего не понимала и сидѣла, какъ на горячихъ угольяхъ. Дѣло въ томъ, что когда Юрьевъ входилъ ко мнѣ, отъ меня выходилъ посланный отъ моего отца, приславшаго мнѣ сказать, что онъ не надѣется дожить до вечера. Редакторъ былъ въ отсутствіи, и я нетерпѣливо ждала его. Отлучиться рѣшительно не было возможности, потому что изъ типографіи безпрестанно приходили, то съ вопросами, что̀ набирать, то за оригиналами, и дѣло заготовленія газеты къ слѣдующему дню не могло быть остановлено никакими личными частными случаями. Не понимая, что̀ толкуетъ мнѣ Сергѣй Андреевичъ, я стала говорить ему, что у меня при смерти отецъ, человѣкъ хорошій. Я разсказала нѣсколько добрыхъ поступковъ моего старика. Юрьевъ вѣжливо и, повидимому, внимательно меня слушалъ и временами замѣчалъ:

— Ахъ, какой прекрасный человѣкъ!

А потомъ вдругъ спрашиваетъ:

— Это вы о комъ же говорите?

— О своемъ отцѣ.

— Онъ живъ?

— То-то я вамъ и говорю, что не надѣется дожить до сегодняшняго вечера. Мнѣ сейчасъ уѣхать нельзя, а онъ живетъ въ 9 верстахъ отъ Москвы.—Юрьевъ просидѣлъ до пріѣзда редактора. Быть можетъ, и лучше вышло, что въ такія тяжкія минуты я не была одна. Только въ 8 часовъ вечера я могла отлучиться и застала старика остывшимъ на столѣ.

Тяжело. Перейду къ другимъ воспоминаніямъ. Въ эту же большую квартиру, кажется, черезъ два года послѣ размолвки, пріѣхалъ въ одно воскресенье и И. С. Аксаковъ. Онъ пересталъ издавать свою газету вскорѣ послѣ того, какъ предлагалъ редактору «Современныхъ Извѣстій» соединить ихъ изданія. Разъ онъ такъ заинтересовался руководящею статьею подъ заглавіемъ «Востокъ и западъ», что пріѣхалъ въ редакцію узнать, кто ея авторъ. Когда редакторъ назвалъ меня, на его лицѣ выразилось недоумѣніе, а потомъ онъ улыбнулся одобрительно. Еще больше примирился онъ съ моимъ присутствіемъ въ редакціи, когда узналъ, что политическія обозрѣнія пишу я. Наконецъ, когда въ 1874 году я написала первый романъ подъ заглавіемъ «Встрѣча» (переименованный мною потомъ: «За каменными стѣнами») редакторъ «Современныхъ Извѣстій», не считая себя компетентнымъ въ беллетристикѣ, по-

слалъ Ивану Сергѣевичу прочесть его и высказать свое мнѣніе. Романъ этотъ такъ понравился Аксакову, что онъ началъ предсказывать мнѣ такое мѣсто въ литературѣ, какое я могу занять развѣ только въ слѣдующемъ своемъ воплощеніи на землѣ, какъ говорятъ спириты. Гиляровъ просилъ меня напечатать этотъ романъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», но мнѣ въ наивности моей хотѣлось видѣть его напечатаннымъ въ толстомъ журналѣ и я послала его въ «Отечественныя Записки». Прошло нѣсколько мѣсяцевъ томительнаго ожиданія, и я, боясь, чтобы подлинникъ мой не затерялся, поручила одной знакомой взять его изъ «Отечественныхъ Записокъ». Не зная объ этомъ и видя мое нетерпѣніе, редакторъ написалъ въ «Отечественныя Записки» письмо, въ которомъ спрашивалъ о судьбѣ моей рукописи. Очень скоро онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Романъ «Встрѣча» намъ очень понравился; но мы не могли уяснить себѣ его тенденцію. Еслибы мы знали, что онъ присланъ отъ васъ, то непремѣнно напечатали бы; но у насъ его вытребовала одна дама по порученію автора».

Это письмо получено было какъ разъ въ воскресенье, когда у редактора собирались его друзья. Онъ прочелъ имъ вслухъ этотъ отвѣтъ. Иванъ Сергѣевичъ выходилъ изъ себя. Впрочемъ, онъ не злился, а съ глубокою скорбью говорилъ: «Когда же, наконецъ, освободится наша литература отъ тенденціи? И доживемъ ли мы до этого счастливаго времени? Но повѣрьте мнѣ, что настанетъ та пора, когда этимъ же самымъ людямъ до того сдѣлается тошно слово «тенденція» и его значеніе, что даже станутъ избѣгать тѣхъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ ярко будетъ проведена идея, потому что они будутъ имъ уже казаться тенденціозными. Возможна ли тенденція безъ натяжки? Съ другой стороны, будетъ ли произведеніе истинно художественное, если въ немъ есть натяжка»? Эти слова Ивана Сергѣевича вспомнились мнѣ въ 89 году, когда одна моя знакомая писательница разсказала мнѣ, что секретарь въ одномъ журналѣ замѣтилъ ей: «Когда же вы, наконецъ, разстанетесь съ тенденціей»? Секретарь этотъ былъ тотъ самый, который въ 76 или въ 77 году писалъ къ Гилярову-Платонову о моемъ романѣ «Встрѣча», что замедлили печатаніемъ его потому, что не уяснили себѣ его тенденціи.

Воскресные гости въ редакціи «Современныхъ Извѣстій» часто занимались разборомъ новѣйшихъ произведеній русской литературы, обсуждая ихъ главныя идеи и языкъ. Они находили, что молодые писатели засоряютъ языкъ иностранными словами и употребляютъ неправильные обороты рѣчи, какъ напримѣръ: «Здравствуйте,—поклонилась она»; «Какъ холодно,—кутался онъ въ шубу»;

«Прощайте,—вышелъ онъ», «Это удивительно,—пожалъ онъ плечами» и т. д.

Я уже говорила, что Иванъ Сергѣевичъ примирился съ моимъ сотрудничествомъ въ газетѣ, и когда во время сербской кампаніи не могъ въ точности прослѣдить по картѣ, какъ расположены были сербскія арміи, то пріѣхалъ въ редакцію «Современныхъ Извѣстій», гдѣ имѣлась замѣчательно хорошая карта Сербіи, и просилъ меня показать ему на картѣ расположеніе и движеніе армій. Когда я ему показывала, онъ съ грустью замѣтилъ: «Какъ непріятно не имѣть своего печатнаго органа. Когда я ничего не издаю, то чувствую себя стертымъ пятиалтыннымъ». Послѣ этого, въ непродолжительномъ времени онъ началъ издавать «Русь».

М. Скавронская.

(*Окончаніе будетъ*).

ЗА ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА.

(Изъ воспоминаній).

Съ 1879 года, я начала сотрудничать въ «Русскомъ Курьерѣ». Тогда направленіе этой газеты было народолюбивое; но мнѣ вскорѣ бросилась въ глаза та разница, что старые славянофилы любили народъ, какъ отцы, молодые же сотрудники новой газеты относились къ нему, какъ братья.

Въ обѣихъ этихъ газетахъ я провела почти по равному количеству лѣтъ (а вмѣстѣ ровно двадцать лѣтъ), занимая почти тѣ же должности, и невольно у меня въ головѣ постоянно являлось сравненіе между обоими изданіями.

Въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», въ центрѣ личнаго состава редакціи стоялъ редакторъ. Сотрудники были имъ же подготовлены; писали согласно съ его взглядами, такъ сказать, по его внушенію. Развала въ разныя стороны не было. Первый годъ изданія сотрудники у него обѣдали, и этимъ часомъ отдыха онъ пользовался, чтобы посвящать ихъ въ свои воззрѣнія. Иногда лѣтомъ всѣ московскіе сотрудники жили у него на дачѣ и точно также за обѣдомъ или во время прогулки онъ разсказывалъ имъ содержаніе руководящей статьи, которую намѣревался писать.

Въ «Русскомъ Курьерѣ», напротивъ того, сотрудники были сами по себѣ; редакторъ-издатель—самъ по себѣ. Иногда дѣло доходило до открытаго антагонизма и въ случаѣ неуступчивости издателя весь личный составъ редакціи отказывался и уходилъ. Въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» всегда можно было предвидѣть, какъ выскажется редакторъ о какомъ либо общественномъ вопросѣ или событіи, и потому всѣ сотрудники чувствовали подъ ногами твердую почву. Въ «Русскомъ Курьерѣ» ежегодно мѣнялись завѣдывавшіе редакціей; направленіе колебалось и твердая почва чувствовалась только тогда, когда газетою завѣдывалъ Ф. Д. Нефедовъ.

Руководящія статьи въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» писалъ почти только редакторъ. О внѣшней политикѣ, о высшемъ образо-

ваніи женщинъ и расширеніи поприща ихъ общественной дѣятельности писала я, когда что либо задѣвало меня за живое; при этомъ, конечно, я не помышляла ни о какомъ гонорарѣ и не брала его. Иногда появлялись статьи и кого нибудь изъ тѣхъ старыхъ друзей редактора, о которыхъ я говорила выше; они тоже писали безвозмездно.

Въ «Русскомъ Курьерѣ» передовыя статьи доставлялись со всѣхъ концовъ и не иначе какъ за гонораръ. Среди статей плохихъ и безцвѣтныхъ попадались замѣчательно хорошія, написанныя мастерами своего дѣла.

Въ отдѣлѣ иностранныхъ извѣстій въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» передавали преимущественно, а иногда исключительно, уже совершившіеся въ политической жизни факты; при этомъ требовалось, чтобы языкъ переводовъ былъ безъ примѣси иностранныхъ словъ.

Въ «Русскомъ Курьерѣ», въ отдѣлѣ «внѣшнихъ извѣстій» отводилось большое мѣсто слухамъ, мнѣніямъ и рѣчамъ. Языкъ переводовъ былъ преисполненъ иностранныхъ словъ и оборотовъ.

Письма изъ городовъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» печатались случайныя только такія, въ которыхъ передавали какой либо случай или происшествіе, и часто отъ простолюдиновъ; причемъ языкъ ихъ сохранялся безъ измѣненія; разставляли только правильно знаки припинанія, да букву *ъ* водворяли тамъ, гдѣ было ея мѣсто. Такимъ образомъ, письмо выходило содержательное, написанное чистымъ русскимъ языкомъ. По этому поводу И. С. Аксаковъ удивлялся, отчего въ его газетѣ, имѣвшей въ виду народъ, совсѣмъ не было корреспондентовъ изъ народа, а въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» писали многіе крестьяне. Не припомню кто (кажется, Погодинъ) объяснилъ это тѣмъ, что тогдашнимъ грамотнымъ крестьянамъ, учившимся не по популярнымъ руководствамъ, а по церковнымъ книгамъ, удобопонятенъ былъ языкъ статей Гилярова-Платонова, напоминавшій иногда проповѣди.

Въ «Русскомъ Курьерѣ» рѣдко попадались случайныя корреспонденціи; преимущественно въ провинціальныхъ городахъ были, такъ сказать, присяжные корреспонденты, присылавшіе свои письма чрезъ извѣстные промежутки времени и имѣвшіе такимъ образомъ приблизительно опредѣленную цифру мѣсячнаго заработка. Для этого имъ нужно было во что бы то ни стало къ назначенному ими же самими себѣ сроку настрочить опредѣленное количество строкъ. И нѣкоторые изъ этихъ корреспондентовъ прибѣгали къ передѣлкамъ чужихъ писемъ и позаимствованіямъ изъ нихъ. Такъ напримѣръ, изъ одного южнаго города корреспондентъ написалъ:

«У насъ рѣшительно нѣтъ житья отъ воровъ: прокрадываются во дворы, въ сѣни, перелѣзаютъ черезъ заборы». Черезъ мѣсяцъ присылается изъ одного сѣвернаго города такая передѣлка: «У насъ рѣшительно нѣтъ житья отъ волковъ: прокрадываются во дворы, въ сѣни, перелѣзаютъ черезъ заборы». Корреспондентъ изъ Кимры въ первыхъ числахъ іюля писалъ: «Какъ извѣстно, жители нашего большаго села почти всѣ поголовно занимаются сапожнымъ ремесломъ съ давнихъ временъ. Но за послѣдніе мѣсяцы дѣла ихъ шли такъ плохо, что грозили разореніемъ многимъ изъ нихъ. Ихъ выручилъ только рынокъ въ петровъ день; онъ былъ такъ оживленъ, что почти не осталось залежалаго товару». Въ первыхъ же числахъ августа изъ слободы Покровской, саратовской губерніи, корреспондентъ сообщалъ: «Жители нашей обширной слободы преимущественно занимаются сапожнымъ промысломъ. За послѣдніе мѣсяцы дѣла ихъ были такъ плохи, что многіе изъ нихъ разорились бы; но ихъ выручилъ базаръ въ ильинъ день. Торговали такъ оживленно, что на рукахъ почти не осталось товара».

«Современныя Извѣстія» и «Русскій Курьеръ» были во многомъ существенно различны; но у нихъ была одна общая черта: оба изданія были искренни, наивны и вслѣдствіе этого неосторожны. А потому чаще другихъ они подвергались пріостановкамъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Когда такая бѣда постигала «Современныя Извѣстія», то сотрудники, бывшіе на жалованьѣ, разные служащіе и даже наборщики продолжали получать свое жалованье. Если у редактора не было денегъ, то онъ дѣлалъ ради этого заемъ. Были случаи, что, жалѣя его, лица, имѣвшія возможность зарабатывать чѣмъ нибудь себѣ содержаніе, отказывались получать жалованье во время пріостановки газеты.

Совсѣмъ иначе было въ «Русскомъ Курьерѣ»: съ того дня, какъ газета была пріостановлена, въ конторѣ прекращалась всякая выдача денегъ. Такъ что разъ я не могла добиться какихъ-то моихъ рублей, оставшихся за конторою (а дѣло было передъ самымъ рождествомъ) и получила ихъ только тогда, когда газета снова начала выходить. Точно также велика была разница въ получавшихся отъ редакторовъ выговорахъ. Въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» редакторъ призывалъ къ себѣ провинившагося и тихо объяснялъ ему, какой вредъ нанесенъ его промахомъ газетѣ. При этомъ онъ самъ имѣлъ такой жалостный видъ пострадавшаго, что провинившемуся становилось и жалко его, и стыдно за свою оплошность, тѣмъ болѣе, что не было и помину о томъ, что человѣкъ работаетъ недобросовѣстно, а беретъ за свою работу деньги. Въ «Русскомъ Курьерѣ», помню, относительно выговоровъ былъ такой

случай: въ продолженіе нѣсколькихъ дней въ газетѣ совсѣмъ не печатали отдѣла «театры и зрѣлища». Кто-то изъ подписчиковъ пожаловался письменно редактору, что по его газетѣ нельзя узнать, что̀ будутъ давать въ театрахъ. (Во многихъ редакціяхъ афишки подаются секретарю и онъ составляетъ по нимъ рубрику «Театры и зрѣлища». Въ «Русскомъ Курьерѣ» съ самаго начала заведено было такъ, что афишки подавались въ типографію и тамъ прямо по нимъ набирали отдѣлъ зрѣлищъ. Нѣсколько лѣтъ я занимала должность секретаря редакціи и никогда мнѣ не подавали афишекъ; такъ что я свыклась съ тѣмъ, что въ типографіи этотъ отдѣлъ составляютъ акуратно). Прочитавъ жалобу, редакторъ позвалъ къ себѣ въ кабинетъ завѣдующаго редакціей, меня и начальника типографіи и сдѣлалъ намъ выговоръ, что мы не досмотрѣли этого упущенія. Мы молча стояли передъ нимъ, искренно имѣя видъ провинившихся. Я мысленно упрекала себя въ недобросовѣстности и мнѣ было стыдно и досадно на себя. Я уже готова была извиниться, какъ издатель сказалъ: «Деньги-то вы отъ меня получаете, а дѣломъ манкируете». И вдругъ пропали мой стыдъ и досада на себя. Стало только досадно на редактора, что онъ упрекаетъ жалованьемъ, а я за свой большой трудъ получаю сравнительно малое вознагражденіе. И дѣйствіе выговора ослабло.

Когда у кого нибудь изъ служащихъ или сотрудниковъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» приключалось какое либо семейное горе, требовавшее его отлучки изъ редакціи, то лучше было скрыть отъ редактора, иначе отлучиться не удавалось. Частная жизнь, семейныя обстоятельства не принимались во вниманіе, или, лучше сказать, принимались въ такое вниманіе, что наивный человѣкъ, разсказавшій о своемъ семейномъ горѣ, скоро спохватывался и раскаивался, что не умолчалъ. Случаевъ было много, и яркихъ, но я ихъ не привожу, потому что получилось бы тяжелое впечатлѣніе. Редакторъ сознавалъ эту черту въ своемъ характерѣ и пытался искоренить ее, но это ему не удавалось; вѣроятно, черта эта была у него врожденная.

Совершенно противоположно относились въ «Русскомъ Курьерѣ» къ семейнымъ обстоятельствамъ сотрудниковъ и служащихъ. Болѣзнь домашнихъ, хотя бы малаго ребенка, считалась важнымъ поводомъ для какой угодно продолжительной отлучки. Редакторъ относился почтительно къ частной жизни служащихъ и деликатно принималъ во вниманіе какіе либо ихъ семейные случаи. Памятуя традиціи «Современныхъ Извѣстій», я разъ сидѣла въ редакціи «Русскаго Курьера» повидимому спокойно, но въ сущности нетерпѣливо ждала, когда настанутъ сумерки, чтобы незамѣтно пройти

по двору въ свою квартиру, гдѣ совершенно одинъ лежалъ въ горячкѣ мой мужъ. Но только что я вышла изъ редакціи, какъ встрѣтилась съ женою редактора и сказала ей, что иду на одну минуту навѣстить больнаго. Она удивилась, что я позволяю себѣ сидѣть въ редакціи, когда у меня такое серьезное семейное горе, и совѣтовала, чтобы я попросила кого нибудь замѣнить меня на время. Я припомнила при этомъ, какъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» я просила повидаться съ больнымъ отцомъ и не была отпущена подъ предлогомъ, что некому меня замѣнить; какъ потомъ силилась скрывать свое горе о потерѣ отца и все таки получила замѣчаніе, что не умѣю владѣть собою и подавлять личныхъ страданій.

Литературный трудъ вообще, а журнальная и газетная работа въ особенности, способны доводить посвятившихъ себя имъ людей до переутомленія. Другія переутомленія, какъ напримѣръ, въ большихъ конторахъ и канцеляріяхъ берутъ у служащихъ не весь день и даютъ возможность отдыхать по праздникамъ, а въ редакціяхъ старшимъ сотрудникамъ приходится заниматься до тѣхъ поръ, пока готовъ весь нумеръ газеты, и притомъ они работаютъ и по праздникамъ. Сколько прекрасныхъ дней 1 мая, троицыныхъ дней и другихъ лѣтнихъ праздниковъ приходилось мнѣ просиживать въ стѣнахъ редакціи «Русскаго Курьера» и иногда одиноко, такъ какъ сотрудники пришлютъ или принесутъ свои статьи и спѣшатъ за городъ.

За двадцатилѣтній періодъ служенія въ газетахъ, я знаю много случаевъ переутомленія. Напримѣръ, сотрудникъ по внутреннему отдѣлу «Современныхъ Извѣстій» вынужденъ былъ отъ утомленія прекратить свои занятія, хотя не имѣлъ никакихъ иныхъ средствъ существованія. Старательному конторщику, изъ образованныхъ, во время усиленной подписки передъ новымъ годомъ, начало казаться, будто подписчики рядами маршируютъ передъ нимъ, а черезъ годъ онъ лишился разсудка. Корректорша, желая поправить свои матеріальныя обстоятельства, взялась безсмѣнно изо дня въ день читать газетную корректуру и къ концу года разъ выбѣжала блѣдная изъ своей комнаты: она дошла до галлюцинацій. Одинъ сотрудникъ очень много писалъ и читалъ газеты, и дошелъ наконецъ до того, что безъ нервной дрожи не могъ видѣть газетъ. Со мною нѣсколько разъ было такъ, что я съ ненавистью начинала смотрѣть на перо, бумагу и газеты, и разъ докторъ заявилъ, что не поручится за мои умственныя способности, если я не уѣду хоть на короткое время, но подальше, гдѣ не буду видѣть ни газетъ, ни перьевъ. Разъ я дошла до того, что на нѣсколько минутъ забыла и никакъ не могла припомнить, какъ меня зовутъ. Это было до отчаянія

жуткое состояніе. Въ сущности же я писала не болѣе двухсот печатныхъ строкъ въ день, а чтеніе иностранныхъ газетъ даже доставляло мнѣ удовольствіе; но очень томительно дѣйствовало то, что, желая сообщить въ газетѣ всѣ факты, я не успѣвала всего прочитывать, потому что не умѣла, что называется, пробѣгать. И если случалось куда отлучиться, то мысль: «а я еще не успѣла кончить Южную Америку или Австралію» отравляла всякое удовольствіе. Иногда эти непрочитанныя статьи накоплялись и, попадая мнѣ на глаза, мучили меня. Вообще я не помню случая, чтобы, во время своего сотрудничества въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», я когда либо спокойно гуляла или сидѣла въ театрѣ. Днемъ рѣшительно никогда не имѣла возможности выходить на улицу; такъ что если приходилось за все десятилѣтіе оказаться когда днемъ на улицѣ по какой нибудь необычайной причинѣ, то я чувствовала себя какъ-то не по себѣ. Ложась спать по прочтеніи корректуры телеграммъ, т. е. въ 3 или 4 часа ночи, я не могла вставать ранѣе 10 часовъ утра, а въ 11 уже подавали пакетъ съ иностранными газетами. Читала ихъ медленно и внимательно; соображала порядокъ «политическаго обозрѣнія», писала его, обдѣлывала слогъ. Это продолжалось до 7 ч. вечера; затѣмъ начиналось чтеніе корректуръ иностраннаго отдѣла, а въ 11 ч. уже присылались иностранныя телеграммы. Въ промежутки между работою отлучаться было неудобно, да и опасалась разсѣяться. Работа замедлялась еще посѣтителями и посѣтительницами, которые не понимали, что своимъ визитомъ и бесѣдами отнимаютъ время. Съ редакторомъ часто случалось такъ, что онъ съ утра замыслитъ руководящую статью; но добрые знакомые или дѣловые люди цѣлый день не дадутъ ему возможности присѣсть за писанье. Между тѣмъ содержаніе статьи не выходитъ у него изъ головы, томитъ его, а сама статья пишется уже глубокою ночью, часто съ головною болью.

Въ моей памяти остался такой случай. Былъ теплый майскій день. Вечеромъ, часовъ въ 8, редакторъ пригласилъ двухъ сотрудниковъ и меня прокатиться за городъ. И говорить нечего, какъ отрадно и легко на душѣ чувствовали мы, выѣхавъ за заставу; ѣхали все дальше и дальше и очутились въ селѣ Косинѣ. Когда мы подъѣхали къ церкви, село уже спало. Мы вышли изъ экипажа и остановились на берегу озера, любуясь картиною природы. Вечеръ былъ тихій; въ воздухѣ пахло только что распустившимися деревьями. Обширное озеро и лѣса за нимъ были въ легкомъ туманѣ, какъ бы покрытые прозрачною дымкою. Надъ водою висѣлъ серпъ луны. Отъ восторга мы всѣ молчали. Неожиданно съ противоположной стороны озера послышалось стройное хоровое пѣніе псалма

«Коль славенъ». Недоставало только этого для полноты прелести майскаго вечера. Мы стояли, какъ очарованные, забывъ и время, и газету. Вдругъ надъ самыми нашими головами раздался звукъ колокола: ночной сторожъ ударилъ одиннадцать разъ. Куда дѣвалось наше поэтическое настроеніе. Съ тревогой мы побѣжали къ коляскѣ и начали торопить кучера. У редактора не была написана передовая статья; на моемъ столѣ уже ждали меня корректуры иностраннаго отдѣла. Удрученные мыслями о невозможности свободно наслаждаться чуднымъ вечеромъ, мы уже не могли разговаривать спокойно и молча возвратились въ редакцію. Сколько подобныхъ случаевъ бывало за это томительное трудовое десятилѣтіе!

Въ «Русскомъ Курьерѣ», стараясь тоже добросовѣстно исполнять принятую на себя обязанность, я, однако, совершенно спокойно отлучалась или сидѣла въ театрѣ. Точка поставлена; дѣло сдѣлано; я принадлежу себѣ. Благодаря этой возможности принадлежать иногда себѣ, я работала въ этой газетѣ бодрѣе. «Русскій Курьеръ» вообще былъ поставленъ такъ, что никто не могъ вкладывать въ него свою душу: случалось, что кто либо изъ сотрудниковъ или даже завѣдующій редакціею напишетъ, бывало, статью или фельетонъ, въ которыхъ выскажетъ свои завѣтныя мысли, сдастъ свой трудъ въ наборъ и выправитъ, а на утро окажется, что издатель велѣлъ разобрать все.

Переутомленіе мое въ «Русскомъ Курьерѣ» было скорѣе физическое. Такъ, я помню, что, не имѣя запасныхъ денегъ, я все таки не огорчилась пріостановкою газеты на нѣсколько мѣсяцевъ, потому что чувствовала крайнюю потребность отдохнуть, такъ какъ въ продолженіе двухъ лѣтъ не спала ни одной ночи, выпуская газету въ печать.

Въ обоихъ этихъ изданіяхъ тяжелую и непріятную сторону моего труда составлялъ переводъ иностранныхъ телеграммъ, которыя получались отъ 11 до 3 часовъ ночи. Работая въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» я четыре года лѣтомъ жила на дачѣ у редактора, а телеграммы привозилъ туда ночью верховой. Задремать или уснуть на время до пріѣзда нельзя было потому, что, заспавшись, не скоро можно очнуться и понять содержаніе почти всегда перевранныхъ телеграммъ, а главное: тревожное ожиданіе мѣшало забыться.

Когда по настоянію доктора я поѣхала мѣсяца на два на Кавказъ, то и тамъ первое время просыпалась и тревожно вскакивала, когда ночью по улицѣ раздавался топотъ конскихъ копытъ, а въ Пятигорскѣ и Желѣзноводскѣ этотъ топотъ раздавался часто, такъ какъ казаки ѣздятъ всегда верхомъ.

Въ редакціи «Русскаго Курьера», въ ожиданіи телеграммъ я, засыпала. Меня будили и подавали въ постель бумагу и карандашъ. Я переводила и опять засыпала. Опять будили и опять засыпала. Итакъ по два или по три раза въ ночь будили. Разъ въ 1881 году меня почему-то не будили; такъ я во снѣ увидала, что меня разбудили и подали переводить такую телеграмму: «Le célèbre ecrivain russe Ivan Tourguenef est mort à Bougivale». Въ дѣйствительности же такая телеграмма получена была въ 1883 г. и, помнится, по русски.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ парижскомъ «Petit Journal» Франциск Сарсэ въ статьѣ «Le surmenage» (переутомленіе) разсказывалъ, какъ одинъ хорошій актеръ жаловался ему на крайнее утомленіе, которое не даетъ ему возможности опомниться, обдуматься. «Завели теперь утренніе и вечерніе спектакли,—говорилъ онъ.— Въ промежутки спектаклей идутъ репетиціи, приготовленіе ролей, затѣмъ переговоры съ портнымъ и парикмахеромъ, а ночью бросаешься въ кровать, какъ безжизненная масса, не будучи въ состояніи ни о чемъ думать». Передавши это, Франциск Сарсэ говоритъ: «А съ нами, журналистами, развѣ не то же самое? Живя, развѣ мы имѣемъ время пользоваться жизнью»?

Прочитавши это, я вспомнила и свой крайній недосугъ во время занятій въ редакціяхъ, особенно въ «Современныхъ Извѣстіяхъ». Одна работа слѣдовала за другой и весь день былъ наполненъ. Одинаковые дни смѣнялись днями и проходили годы. Живя, невозможно было пользоваться жизнью. Промежутки между работами—томленіе въ ожиданіи, когда принесутъ газеты или гранки, а это томленіе было какое-то сплошное созерцательное настроеніе. Одинъ разъ однообразный рабочій день нечаянно измѣнился: былъ запрещенъ нумеръ газеты за руководящую статью. Для слѣдующаго дня оставленъ былъ весь прежній наборъ, исключая передовой статьи. Такимъ образомъ, у меня оказался свободный день. Я обрадовалась воспользоваться неожиданною свободою и назначила себѣ обширную программу на этотъ день. Вышла на улицу въ третьемъ часу дня. Первый пунктъ программы былъ—пройти пѣшкомъ до Тверской. Дойдя до Охотнаго ряда, я увидала балаганъ съ огромными намалеванными вывѣсками звѣрей и подумала: «Зайду на минутку». Но тамъ заинтересовалась маленькими обезьянами и цѣлый часъ забавлялась ими, а когда вышла изъ балагана, на улицѣ уже зажигали фонари. Я отвыкла быть одной на темной улицѣ, да и ѣсть захотѣла; поэтому ничего не могла придумать, какъ взять извощика и ѣхать домой. Такъ своимъ свободнымъ днемъ я воспользовалась только для знакомства съ обезьянами.

Бывая теперь въ разныхъ редакціяхъ, я вижу, какъ секретари

и завѣдующіе, оторвавшись на минутку отъ лежащихъ на ихъ столахъ грудъ бумагъ и газетъ, спѣшатъ какимъ-то телеграфнымъ языкомъ объяснить приходящей публикѣ, будетъ напечатана рукопись или нѣтъ, и, разговаривая, сами все съ томленіемъ поглядываютъ на свой столъ: всю эту груду нужно просмотрѣть: что̀ выправить, что̀ сократить, а въ типографіи ждутъ.

Тѣ изъ приходящихъ въ редакціи, которые сами не живали жизнью журналистовъ, обремененныхъ веденіемъ газеты, не понимаютъ, конечно, этого томленія. И есть даже любители заходить въ редакціи. Въ трехъ редакціяхъ мнѣ приходилось принимать публику, и теперь въ моихъ воспоминаніяхъ проходятъ длинныя вереницы этихъ разнообразныхъ посѣтителей. Въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» я выходила къ публикѣ съ перомъ въ рукахъ; принимала стоя и просила, чтобы мнѣ поскорѣе сказали причину посѣщенія, суть дѣла. Въ редакціи «Друга женщинъ» для пріема посѣтителей назначено было два часа. Являлись преимущественно женщины, и многія изъ нихъ очень удрученныя разными обстоятельствами. Тутъ я поняла, что пріемъ посѣтителей въ редакціяхъ составляетъ своего рода общественное служеніе, даже служеніе полезное. Поэтому я терпѣливо и внимательно выслушивала ихъ и нѣсколько разъ имѣла возможность дать совѣтъ. Когда въ «Русскомъ Курьерѣ» мнѣ поручили принимать отъ 1 часу до 3 публику, то я уже взялась за эту обязанность, какъ за служеніе обществу. И какой большой и разнообразный контингентъ посѣтителей бывалъ у меня! Кромѣ лицъ, доставлявшихъ свои статьи и приходившихъ узнать объ ихъ участи, въ редакцію являлись жоны, уѣхавшія отъ мужей въ Москву и тутъ оказавшіяся въ безвыходномъ положеніи. Были случаи, что я потомъ получала отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ письма съ подробнымъ увѣдомленіемъ какъ онѣ возвратились домой и были встрѣчены. Захолустные бѣдняки, которые въ своемъ захолустьѣ отъ чего либо пострадали и рѣшили, что вся бѣда у нихъ кончится, если они повидаются съ отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ! И вотъ они скопили гроши и добрались до Москвы. Далѣе на дорогу денегъ нѣтъ. Куда идти? Людей московскихъ не знаютъ. Вспоминаютъ московскія газеты и идутъ въ редакціи. Провинціальные подписчики «Русскаго Курьера», пріѣхавшіе въ Москву, обращались въ редакцію съ просьбою указать имъ хорошаго врача или адвоката. За денежною помощью къ редакціи являлись отправлявшіеся далеко или возвращавшіеся на родину. Сколько разъ приходилось мнѣ писать на иностранныхъ языкахъ телеграммы для лицъ, которыя сами не умѣли написать и постороннимъ лицамъ не довѣряли, а пишущимъ въ газетѣ вѣ-

рили. Душевно-больные тоже любятъ посѣщать редакціи; они обыкновенно добиваются видѣть самого редактора, увѣряя, что имъ крайне необходимо сказать ему лично очень важную вещь. Одного такого, приходившаго ко мнѣ цѣлый мѣсяцъ, я уговорила написать то, что онъ имѣетъ сказать редактору, запечатать, а я передамъ. Когда вскрыли пакетъ, то тамъ оказалось написано: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко. Пѣвчій изъ никитинскаго хора». Одинъ душевно-больной молодой врачъ часто заходилъ ко мнѣ побесѣдовать и подробно разсказывалъ, чѣмъ онъ теперь занимается и какъ себя чувствуетъ. А сколько по осени приходитъ въ редакціи молодыхъ людей обоего пола, которые весною кончили курсъ ученія, лѣто провели на родинѣ, а къ осени пріѣхали въ столицу искать своего счастья и очутились въ крайней нуждѣ. Бывали еще вотъ какіе случаи. Въ глухомъ провинціальномъ городкѣ тихо и мирно проживаетъ человѣкъ, очень любящій литературу, особенно поэзію. При терпѣливой и мирной жизни, онъ почитываетъ; потомъ самъ вдохновляется, пишетъ, какъ умѣетъ, цѣлую тетрадку стихотвореній, посылаетъ ихъ въ какую либо московскую газету и съ замираніемъ сердца развертываетъ каждый день полученный нумеръ; но мѣсяцы идутъ, а стихотворенія его въ печати не появляются. Онъ пишетъ въ редакцію и на отвѣтъ прилагаетъ марку. По его мнѣнію, приложенная марка обязываетъ отвѣтить, но тѣмъ не менѣе отвѣта нѣтъ. Тетрадка съ его стихотвореніями — часть его души; она дорога ему, какъ святыня. Онъ думаетъ, думаетъ объ ней и рѣшается поѣхать въ столицу; тамъ онъ увидитъ тѣхъ людей, въ рукахъ которыхъ его судьба. Онъ поговоритъ съ ними по душѣ; разскажетъ, какъ зарождались въ немъ мысли и какъ, наконецъ, онъ рѣшился излить ихъ на бумагѣ. Но гдѣ тѣ средства, на которыя онъ доберется до Москвы? Прибѣгнуть къ займу? Попытался, но безъ залога не даютъ, тѣмъ болѣе, что знакомые смотрятъ на него, какъ на человѣка непрактичнаго, какъ на фантазера. Развѣ рискнуть послѣднимъ, т. е. продать тотъ маленькій клочокъ земли, который онъ имѣетъ подъ городомъ? Рискъ—дѣло благородное и притомъ, быть можетъ, онъ добьется, чтобы стихотворенія его были напечатаны, а разъ они напечатаны, онъ получитъ свое мѣсто въ литературѣ. Что такое этотъ клочокъ земли въ сравненіи съ цѣлью его жизни? Добрые сосѣди воспользовались его горячимъ желаніемъ продать и купили землю за безцѣнокъ. Наконецъ, онъ въ столицѣ. Пообчистившись, онъ идетъ въ ту редакцію, гдѣ хранится его завѣтная тетрадь. Тутъ онъ трепетно спрашиваетъ объ участи своихъ произведеній.

— Что-то не помню, поищу,—отвѣчаетъ ему лаконически редакціонный souffre-douleur.

Черезъ нѣсколько дней онъ опять навѣдывается.

— Еще не нашли,—говорятъ ему.

Дни идутъ за днями; недѣли за недѣлями. Онъ видитъ, что уже надоѣлъ въ редакціи, а деньги почти всѣ вышли. Оставаться дольше въ Москвѣ нельзя. Онъ въ послѣдній разъ идетъ въ редакцію.

— Нѣтъ; стихотвореній подъ такимъ заглавіемъ мы не получали. Да и притомъ мелкій оригиналъ подвергается уничтоженію, если онъ неудобенъ для напечатанія,—отвѣчаютъ ему.

Уничтоженъ и онъ.

Исхудалый, въ запыленномъ лѣтнемъ пальто, съ отчаяніемъ въ глазахъ вошелъ разъ лѣтомъ въ редакцію «Русскаго Курьера» какой-то смиренный человѣкъ и разсказалъ мнѣ свою печальную исторію. Эту исторію я передала выше.

Сотрудники «Русскаго Курьера» отнеслись къ нему сочувственно и сдѣлали складчину, чтобы онъ могъ добраться до роднаго города.

— Благодарю васъ, что вы даете мнѣ возможность вернуться,—сказалъ онъ,—только ужь вернуться-то теперь не къ чему: земли-то ужь у меня нѣтъ.

Его жалѣли и никто не смѣялся надъ нимъ. Напротивъ, я помню, одинъ сотрудникъ сказалъ: «А пріятно узнать, что въ концѣ девятнадцатаго вѣка еще живутъ по закоулкамъ люди, у которыхъ на первомъ планѣ не однѣ только практическія цѣли».

А недавно мнѣ разсказывали, будто бы одинъ изъ такихъ непрактическихъ и наивныхъ провинціаловъ прислалъ свою рукопись одному, такъ сказать, руководящему литератору, осмѣливаясь спросить его мнѣнія о своемъ трудѣ; но будто бы этотъ литераторъ подтрунилъ надъ нимъ въ своихъ авторитетныхъ произведеніяхъ.

Впрочемъ, теперь принято трунить. Мнѣ сколько разъ приходилось читать въ такъ называемомъ «почтовомъ ящикѣ» такіе отвѣты редакціи: «Въ своемъ стихотвореніи вы разсказываете, какъ вы пылаете къ ней. Держите при себѣ свое чувство и не повѣствуйте о немъ всему міру», или такъ: «А вы поучитесь сначала правописанію, тогда и предлагайте свое сотрудничество». Попадаются отвѣты залихватскіе или рѣзко презрительные. И, вѣроятно, многіе изъ нихъ посылаются по адресу такихъ наивныхъ людей, которые, отправивъ свой трудъ въ газету, надѣялись услыхать о немъ серьезное мнѣніе или совѣтъ. И, конечно, презрительный или насмѣшливый отвѣтъ отниметъ у наивнаго автора охоту подписываться на то изданіе, въ которомъ посмѣялись надъ его довѣрчивостью и искренностью.

Трунить такъ вошло въ моду и обычай, что во многихъ газетахъ завели цѣлые отдѣлы столбца въ два, наполненные просто болтовнею, не всегда остроумною. Трунятъ иногда надъ лицами даже почтенными. Сколько разъ приходилось читать, какъ въ какомъ нибудь листкѣ почтеннаго писателя П. Д. Боборыкина называютъ за панибрата: «Пьеръ Бобо». Или, какъ недавно разсказывали мнѣ, въ одной московской газетѣ, присяжный болтунъ назвалъ І. І. Ясинскаго «Іеронимушкою» и выставилъ его въ какомъ-то смѣшномъ видѣ. Не подозрѣвая, что подъ этимъ Іеронимушкою подразумѣваютъ талантливаго писателя, проводящаго въ своихъ произведеніяхъ умныя и честныя мысли, низкопробные читатели помирали со смѣху. Точно также смѣются они, когда, не умѣя выговорить пущенное теперь въ употребленіе слово «фендесіеклисты», читаютъ «финтиклисты» и понимаютъ подъ этими финтиклистами что-то уморительно смѣшное, а совсѣмъ не людей конца вѣка. Нечего и говорить, въ какое затрудненіе ставитъ своихъ читателей мелкая пресса другимъ новымъ словомъ, которое тоже успѣло опошлѣть вслѣдствіе частаго его трепанья; это слово: «интервьюировать».

Новѣйшія газетки, введя на своихъ столбцахъ отдѣлы болтовни, попали въ жилку большому числу людей, которыхъ одинъ писатель назвалъ полуинтеллигентами. И эти полуинтеллигенты оказались, однако, охотниками читать: они поддерживаютъ мелкую печать до такой степени, что нѣкоторые листки расходятся въ двадцати и болѣе тысячахъ экземпляровъ. Впрочемъ, и такія увеселительныя заведенія, какъ театръ Омона и Салонъ де-Варьете, держатся этими же людьми.

А четверть вѣка назадъ и печатныхъ органовъ было меньше, и подписчиковъ у нихъ было сравнительно мало. Былъ образованный читатель большихъ газетъ и простолюдинъ—читатель малыхъ газетъ. Не было листковъ, не было полуинтеллигентныхъ бонвивановъ, ихъ читателей. Къ сожалѣнію, тогдашній русскій читатель былъ скуповатъ на подписку на газеты. Я помню, когда, вслѣдствіе увеличенія платы за разсылку газетъ, редакторъ «Современныхъ Извѣстій» вынужденъ былъ прибавить четвертакъ къ подписной платѣ, то въ контору пришли два священника и заявили: «Такъ какъ газета ваша вздорожала, то считайте насъ отъ нея отреченными».

Быть можетъ, для исторіи ежедневной журналистики не лишнимъ будетъ, если я разскажу объ основаніи тѣхъ изданій, въ которыхъ въ продолженіе многихъ лѣтъ я была постоянною сотрудницею. «Современныя Извѣстія» начали издаваться въ декабрѣ 1867 года,

а я поступила туда 6-го февраля 1868 года и при основаніи ихъ не присутствовала, но мнѣ объ немъ разсказывалъ самъ редакторъ-издатель. Онъ занималъ тогда должность начальника синодальной типографіи и не думалъ объ издательствѣ. Въ литературѣ же онъ участвовалъ давно, а именно писалъ иногда руководящія статьи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Днѣ» и въ «Русской Бесѣдѣ; въ послѣдней онъ подписывался псевдонимомъ «Веселый Долгій». Широкой публикѣ онъ былъ извѣстенъ только какъ цензоръ, а въ тѣсномъ журнальномъ кругу знали его публицистическія способности. И вотъ одинъ изъ проведшихъ долгіе годы при журналистикѣ, Нилъ Андреевичъ Основскій, не имѣя самъ образовательнаго ценза для издательства (тогда вѣдь не разрѣшали изданіе людямъ, не кончившимъ курса наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи), цѣлое лѣто 67-го года ѣздилъ къ Гилярову-Платонову на дачу и убѣждалъ его приступить къ изданію такой газеты, въ какой, по его словамъ, нуждалась тогда читающая публика. Онъ увѣрялъ Никиту Петровича, что имѣетъ достаточно денегъ для начала изданія, и наконецъ добился отъ него согласія. Но все таки Гиляровъ-Платоновъ не имѣлъ охоты издавать газету и желалъ, чтобы ему не дали разрѣшенія. Онъ говорилъ мнѣ, что поѣхалъ въ главное управленіе по дѣламъ печати нарочно въ понедѣльникъ, какъ въ день тяжелый, но разрѣшеніе на издательство дано ему было въ тотъ же день. Однако, вскорѣ обнаружилось, что денегъ у Нила Андреевича Основскаго было мало; хватило только на задатки за шрифтъ, машину и бумагу, и все это было взято въ кредитъ. Такое открытіе очень разстроило Н. П. Гилярова-Платонова и онъ заболѣлъ нервною горячкою въ самое важное для подписки время, именно въ январѣ, а газета выходила кое-какъ, почти безъ корректуры. Выздоровѣвъ, онъ разстался съ Н. А. Основскимъ и занялся усердно изданіемъ, посвящая ему, впрочемъ, только вечера, свободные отъ занятій по должности. А потомъ, осенью 1868 года,—какъ я писала уже,—совсѣмъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя только газетѣ. Помнится, въ 1876 году въ первый разъ я встрѣтила въ редакціи «Современныхъ Извѣстій» Николая Петровича Ланина. Онъ былъ тогда гласнымъ думы и принималъ къ сердцу дѣла городскаго самоуправленія. Очевидно, ему нужно было провести въ печать нѣкоторые свои взгляды на эти дѣла, а также, помнится, онъ очень интересовался вопросомъ о взаимномъ страхованіи отъ огня. Кажется, по этому именно поводу онъ и пріѣзжалъ въ «Современныя Извѣстія». А такъ какъ личные взгляды удобнѣе всего проводить въ своемъ собственномъ печатномъ органѣ, то г. Ланинъ и пріобрѣлъ «Русскій Курьеръ» отъ

Дмитріева. Н. П. Ланинъ посвящалъ тоже много времени газетѣ и занимался ею усердно; но все таки литературнымъ человѣкомъ такъ и не былъ. Да и не могъ быть, потому что комерція и литература—это масло и вода, которыя никогда не могутъ соединиться. Помню, когда разъ какой-то «комерческій человѣкъ» явился къ Гилярову съ предложеніемъ купить у него газету и началъ высчитывать количество сотрудниковъ, приходовъ и расходовъ, редакторъ «Современныхъ Извѣстій» сказалъ ему: «Есть еще одинъ пунктъ, который нельзя высчитать цифрами—это *свои воззрѣнія*». Вообще въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» не было слѣдовъ комерческаго духа, а въ «Русскомъ Курьерѣ», исключая редакціи и сотрудниковъ, во всемъ веденіи дѣла преобладалъ комерческій духъ, такъ какъ газета введена была въ торговый дворъ. Когда я переѣхала въ домъ Ланина, на другой же день контора прислала мнѣ фабричную книжку и потребовала отъ меня адреснаго билета на случай болѣзни и помѣщенія меня въ больницу, а мужа моего вызывали къ воротамъ для разговоровъ къ приходившимъ къ нему знакомымъ. Словомъ, поступали такъ, какъ поступаютъ на фабрикахъ съ фабричными. Спустя уже долгое время понято было, что со служащими въ газетѣ нельзя обращаться, какъ съ людьми заводскими.

Третье изданіе, въ которомъ я не только принимала дѣятельное участіе, но которое сама и основала, былъ «Другъ женщинъ». Лѣтъ пятнадцать я лелѣяла мысль объ этомъ изданіи, но крайній недосугъ при работѣ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» не давалъ мнѣ возможности привести эту мысль въ исполненіе. На первый же годъ своего пребыванія въ «Русскомъ Курьерѣ» я выхлопотала себѣ право изданія и печатала мой журналъ на тѣ денежныя средства, которыя зарабатывала въ «Русскомъ Курьерѣ». Мнѣ хотѣлось, чтобы въ журналѣ моемъ принимали участіе и высказывали свои нужды и мнѣнія женщины какъ самыя образованныя, такъ и ремесленницы; чтобы журналъ не имѣлъ узко-партійнаго характера; но тогда, какъ потомъ оказалось, такая программа была еще не ко времени. Впрочемъ, я передъ этимъ не остановилась бы и на замѣчанія критики чувствовала себя состоятельной отвѣчать; но продолжать изданіе стало невозможнымъ потому, что «Русскій Курьеръ» пріостановился на четыре мѣсяца, а слѣдовательно прекратились и средства на изданіе. Тогда я передала безвозмездно журналъ свой А. И. Волковой. «Другомъ женщинъ» я занималась съ такимъ увлеченіемъ, что совсѣмъ забывала свою частную жизнь. Съ 6 ч. вечера и до 5 или даже до 6 ч. утра я работала въ «Русскомъ Курьерѣ», и съ 12 ч. пополудни уже шла въ редакцію своего журнала, помѣ-

щеніе подъ которую мнѣ безвозмездно давала въ своей квартирѣ въ Ащеуловомъ переулкѣ одна моя подруга по институту. Въ редакціи «Друга женщинъ» сидѣла до 5 час., и къ 6 ч. спѣшила поспѣть въ Замоскворѣчье въ «Русскій Курьеръ». Въ минуты досуга писала статьи для своего журнала, корректировала ихъ и отвѣчала на письма иногородныхъ сотрудницъ. Трудиться приходилось много, но трудъ этотъ былъ пріятенъ.

Перебирая недавно свой портфель, въ который въ продолженіе почти четверти вѣка я бросала письма и разные по чему либо памятные клочки бумаги, я вспомнила, чѣмъ наполнялись минуты моихъ досуговъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ». Въ портфелѣ нашлось много сырѣзокъ изъ иностранныхъ газетъ, которыя оказались моими же корреспонденціями въ чешскія газеты, во «Львовское Слово» и въ «Correspondance slave». Живя только газетною жизнью и ежедневно прочитывая со вниманіемъ нѣсколько иностранныхъ газетъ, я невольно заинтересовывалась даже мелочами газетными и принимала ихъ близко къ сердцу. Въ портфелѣ нашелся мой черновикъ письма въ «Пештскій Ллойдъ»; въ этомъ письмѣ я говорю, что хоть новую неподвижную звѣзду въ туманномъ пятнѣ Андромеды видѣли извѣстные астрономы Гартвигъ, Клейнъ и Мейнардусъ, но было бы большою несправедливостью назвать ее именемъ кого либо изъ нихъ. Новая звѣзда должна назваться именемъ талантливаго венгерскаго писателя Маврикія Іокая, такъ какъ еще въ 1851 году, въ своемъ романѣ «Невидимая звѣзда», онъ говорилъ, что въ созвѣздіи Андромеды есть неподвижная звѣзда, обыкновенно невидимая ни для кого, но ее видятъ наканунѣ сраженія только тѣ воины, которымъ назначено быть на другой день убитыми. Маврикій Іокай указалъ то самое мѣсто, на которомъ теперь появилась новая звѣзда. Въ заключеніе я съ жаромъ говорю: «Also die Ausgeburt der lebhaften Phantasie, die dichterische Fiction hat sich in einer seltsamen Weise verwirklicht», и убѣждаю газету настаивать, чтобы крестнымъ отцомъ новой звѣзды былъ Маврикій Іокай.

Черезъ большой промежутокъ времени, выясняется, именно какъ звѣзда въ туманномъ пятнѣ, вся наивность этого письма, а съ какимъ жаромъ и какъ искренно оно было написано! (Впослѣдствіи, кажется, оказалось, что никакой звѣзды и не было).

Но всѣ эти наивныя и не наивныя, глупыя или неглупыя письма были лишь отдыхомъ среди многочасоваго ежедневнаго усиленнаго труда надъ печатнымъ словомъ. И пока приходилось быть дѣйствующимъ лицомъ, какимъ несладкимъ казался этотъ трудовой путь, преисполненный и колебаній, и терзаній, и

опрометчивостей, словно пробиралась я по ухабамъ и калужинамъ; а теперь, когда онъ закончился, и я гляжу на него со стороны и объективно, этотъ двадцатипятилѣтній періодъ времени представляется мнѣ ровнымъ и стройнымъ цѣлымъ. Крошечный трудъ— стараться ежедневно давать читателю отъ 100 до 300 строкъ полезнаго чтенія, при своей ежедневной микроскопичности, составляетъ за четверть вѣка, хотя малое, посильное, но все таки служеніе обществу. А это уже утѣшеніе. Много терній было на этомъ пути; но, прошедши его, я не раскаиваюсь, что выбрала именно его, хотя онъ и не обезпечиваетъ старости. Даже, можно сказать, дня не проходило безъ мелкихъ терній; но особенно чувствительны они были въ началѣ. Въ Москвѣ мнѣ первой изъ женщинъ своего времени пришлось работать въ газетѣ, и въ типографіи по ночамъ оставаться только съ рабочими. Приходилось слышать такія слова и выраженія, къ которымъ, не смотря ни на какія усилія и доводы со своей стороны, не можешь привыкнуть и не можешь не чувствовать каждый разъ внутренняго оскорбленія. Случалось служить потѣхой для рабочихъ; такъ, разъ ночью, зимою, меня заперли въ холодныхъ сѣняхъ, куда я вышла безъ шубы, въ одномъ платкѣ. Такъ простоять мнѣ пришлось болѣе получасу, и я слышала, какъ тамъ за дверью смѣются надъ моимъ положеніемъ; но ни на слова ихъ, ни на поступки я не жаловалась и даже показывала видъ, что ничего не замѣчаю и не слышу. Бывали и подвохи; такъ конторщикъ попросилъ меня разъ замѣнить его въ конторѣ на короткое время. Я постояла за него часъ и приняла нѣсколько подписчиковъ. Подавая отчетъ редактору, онъ сказалъ, что недосчитывается трехъ рублей, и извинился, что на одинъ часъ отлучался. Когда редакторъ спросилъ: кто его замѣнялъ? онъ глазами показалъ на меня и подалъ ему квитанцію, написанную почеркомъ, очень похожимъ на мой. Редакторъ все таки усомнился; потомъ потребовалъ другія мои квитанціи, и тутъ обнаружилась поддѣлка, да еще вдобавокъ орѳографическая ошибка въ представленной конторщикомъ, будто бы, моей квитанціи. Я только черезъ мѣсяцъ узнала отъ редактора объ этомъ подвохѣ, когда конторщику отказали. Впрочемъ, и не перечтешь этихъ мелкихъ терній; бывали и покрупнѣе и до конца. А гдѣ ихъ не бываетъ? Продолжительное служеніе почти на всякомъ поприщѣ втягиваетъ въ себя служащаго ему, а служеніе печатному слову тѣмъ болѣе и сильнѣе.

Каждый разъ, какъ я прохожу мимо великолѣпныхъ теперь верхнихъ торговыхъ рядовъ, я вспоминаю просакъ «Современныхъ Извѣстій». Въ 1868 году московскій гостинный дворъ, или по

просту «городъ», съ его пресловутой «ножевой линіей», былъ въ крайнемъ запущеніи: внизу, наровнѣ съ тротуаромъ, обвалилась штукатурка и обнажились кирпичи, а въ этихъ кирпичахъ даже образовались пробоины, полъ въ проходахъ между рядами былъ такъ неровенъ, что можно было сломать ноги, а когда по праздникамъ ряды были закрыты, то фасадъ ихъ бывалъ крайне безобразно украшенъ рваными рогожами, кульками и досками, прикрывавшими разбитыя двери.

Возмутительно было смотрѣть на равнодушное отношеніе купцовъ къ своему торговому гнѣзду, которое давало имъ хорошіе барыши. Въ это время А. А. Пороховщикову пришла мысль о перестройкѣ этихъ рядовъ и онъ составилъ проэктъ и планъ перестройки. Быть можетъ, и проэктъ, и планъ были хороши, а перестройка была безотложно необходима, но редакторъ «Современныхъ Извѣстій» выступилъ противъ проэкта Пороховщикова. Причина такого поступка была слѣдующая: какъ только торговцамъ гостиннаго двора стало извѣстно о прозктѣ Пороховщикова, они немедленно составили свой проэктъ и прислали его съ однимъ писчебумажнымъ торговцемъ къ Гилярову-Платонову. Этотъ депутатъ показалъ ему проэктъ лавковладѣльцевъ и сладко-вкрадчиво объяснялъ, что если перестроить ряды дадутъ Пороховщикову, то множество сиротъ, вдовъ и старцевъ останутся безъ всякихъ средствъ къ существованію и окажутся нищими. Онъ указывалъ, какъ въ представленномъ имъ планѣ, при грандіозной перестройкѣ, сохранены будутъ размѣры лавокъ.

— Вотъ изволите видѣть этотъ маленькій квадратикъ,—говорилъ онъ сладкимъ голосомъ,—эта крошечная лавочка принадлежитъ одной старушкѣ, которая сдаетъ ее въ аренду и этимъ только поддерживаетъ свое существованіе. А вотъ этотъ узенькій четвероугольничекъ принадлежитъ сироткамъ, которыя содержатся и воспитываются только на аренду за лавочку, оставленную имъ родителями.

Гиляровъ-Платоновъ довѣрчиво разсматривалъ планъ и съ наивною улыбкою удовольствія сказалъ мнѣ:

— Посмотрите, какъ ухитрились соблюсти вѣрно всѣ размѣры. Вотъ большая лавка, а вотъ возлѣ нея крошечная; такъ и останется при перестройкѣ, хотя фасадъ, видите, какой великолѣпный.

Лавковладѣлецъ пріятно улыбался и благодарно смотрѣлъ на редактора. Передъ уходомъ онъ сказалъ:

— Ужь не оставьте насъ своимъ вниманіемъ: будьте нашимъ покупателемъ; товаръ у меня хорошій. Вамъ вѣдь много требуется и перышекъ, и карандашиковъ, и бумажки.

Редакторъ замѣтилъ купцу, что хотя онъ напишетъ статью въ пользу ихъ проэкта, но все таки надѣется, что они поторопятся, такъ какъ перестройка рядовъ неотложно необходима. Лавковладѣлецъ отвѣтилъ, что торговцы сами понимаютъ, какъ нужна перестройка, и немедленно къ ней приступятъ, когда ихъ планъ будетъ утвержденъ. По уходѣ его, редакторъ долго любовался оставленнымъ у него планомъ и написалъ энергичную статью въ его защиту.

Вскорѣ послѣ этого, редакторъ послалъ въ его лавку за письменными принадлежностями. Лакей принесъ дѣйствительно хорошій товаръ, но сказалъ, что денегъ не взяли, а обѣщали потомъ прислать счетъ.

Прошло около года. Изъ лавки этого купца, наконецъ, прислали счетъ. Редакторъ просмотрѣлъ его и развелъ руками: счетъ былъ сильно преувеличенъ и по цѣнѣ, и даже по количеству отпущеннаго товара. Доказать же, что на счетѣ было много приписано, нельзя было потому, что лакей не зналъ, чего ему положили въ свертокъ.

Черезъ день я поѣхала нарочно въ лавку этого купца и, покупая перья и карандаши, мимоходомъ сказала:

— Кажется, эти ряды скоро будутъ перестраиваться?

— Это вы насчетъ Пороховщикова? Онъ провалился со своимъ планомъ,—отвѣтилъ, очевидно забывшій меня, торговецъ.

— Нѣтъ, я слышала, будто сами лавковладѣльцы будутъ перестраивать.

— Еще нескоро, да и не для чего. Поторгуемъ и мы, и дѣти наши поторгуютъ,—сказалъ онъ самоувѣреннымъ тономъ.

Послѣ этого, лѣтъ пятнадцать или шестнадцать, приходила я мимо старыхъ рядовъ и, глядя на болтавшіяся рогожки, вспоминала, какъ гостиннодворцы провели редактора. Такихъ промаховъ было немало въ обѣихъ газетахъ, въ которыхъ я работала, потому что практическіе люди всегда проведутъ кабинетныхъ.

Хотя оба эти изданія, сравнительно съ другими осторожными органами печати, существовали недолго, но, повторяю, пользы принесли достаточно. Я же лично благодарна имъ за то, что они дали мнѣ возможность прожить двадцать лѣтъ честнымъ трудомъ.

Въ воспоминаніяхъ объ этихъ газетахъ мнѣ невольно пришлось немало говорить о себѣ. Поэтому я воспользуюсь случаемъ сдѣлать одну поправку. Въ толстомъ «Московскомъ календарѣ», изданномъ, помнится, въ 1886 году, въ рубрикѣ «писательницъ» я увидала свою фамилію; но, очевидно, свѣдѣнія обо мнѣ сообщены были лицомъ, меня совсѣмъ не знавшимъ, а именно тамъ значится:

«М. Богаевская (Скавронская)». Я же подписываюсь Сковронская, и это не псевдонимъ мой, а фамилія моего перваго мужа. Писать я начала, бывши вдовою Сковронскаго; по второму же браку я не Богаевская, а Богуславская. Лицо, дававшее въ календарѣ обо мнѣ свѣдѣнія, перепутало меня съ писательницею Маріею Богаевскою и, упомянувъ нѣсколько моихъ беллетристическихъ произведеній, приписало мнѣ ея стихотворенія. Я дѣлаю эту поправку въ виду того, что календарная ошибка пошла дальше и мнѣ недавно показывали книжку, въ которой перечислены псевдонимы русскихъ писателей, и тамъ опять я названа Богаевскою, пишущею подъ псевдонимомъ Скавронской.

М. Сковронская.